

ОТ АВТОРА
ГРОЗОВЫХ ВОРОТ

Александр Тамоников

**Мастер
ближнего боя**

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников
Мастер ближнего боя

«ЭКСМО»

2002

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Тамоников А. А.

Мастер ближнего боя / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2002 — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 978-5-699-21827-1

Подполковник Кауров по прозвищу Каракурт, сотрудник сверхсекретной Службы «Виртус» – специалист по ликвидации наркодельцов. Вот и сейчас он выполняет очередное задание руководства – виртуозно уничтожает кавказских наркобаронов. Но тут случается непредвиденное... Каурова спешно вызывают в Москву, чтобы сообщить трагическую новость: кто-то зверски расправился с его женой и дочерью. Кауров обязуется отомстить – найти и жестоко покарать убийц! Только не знает Каракурт, что нити этого чудовищного преступления тянутся в далекое прошлое и к тому же тесно связаны с его нынешней работой... Книга также выходила под названиями «Наркобоец», «Убойная дистанция» и «Высшая справедливость».

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-21827-1

© Тамоников А. А., 2002
© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ I	14
Глава 1	14
Глава 2	24
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Тамоников

Мастер ближнего боя

Посвящаю эту книгу Александру Маршалу – композитору, поэту, исполнителю, а также его директору и другу Дмитрию Курашеву, бывшему разведчику-афганцу.

Пролог

Чехословакия. Центральная Группа Войск.

1983 год. Конец сентября.

Мотострелковый полк, дислоцирующийся в местечке Поленицы в Орлицких Горах, жил своей обыденной учебно-боевой жизнью, строго по распорядку дня. Другими словами, большинство личного состава отдыхало в своих казармах в ту дождливо-ветреную ночь, когда командира разведывательной роты, старшего лейтенанта Константина Лобанова экстренно вызвали в штаб полка. Быстро собравшись, он вышел из своего подъезда в доме офицерского состава и на улице встретился со старшим лейтенантом Станиславом Кауровым, командиром второй мотострелковой роты, с которым давно поддерживал дружеские отношения. Дружили между собой и их жены – Люда и Галина.

– Привет, Стас! – протянул руку Лобанов.

– Привет, разведка! Тебя тоже подняли?

– Как видишь. Ну и погода!

Офицеры, укутавшись в плащ-накидки, поспешили в часть.

– С чего бы этот вызов, Стас?

– А черт его знает! Но вызвали нас двоих!

Кроме них, на улицах военного городка никого не было.

– Может, какой проверяющий под утро залетел? И погонят, Костя, нас с тобой вместе с подразделениями в запасной район!

– Лучше бы не надо! Дождь третий день поливает. В запасном сейчас все грунтовки развезло и грязь по колено.

– Тебе ли, Костя, с твоими БМП грязи бояться? Ты на гусеницах пройдешь, а мне что на БТРах делать? Чуть в сторону из колеи – и сядут «коробки» на днище. Будет тогда разбор по полной. Да и время выбрали: три часа, темень. Неужели на самом деле заставят марш совершать?

– Другие предположения у тебя есть? – спросил Кауров.

– Побег солдата!

– Маловероятно. Если бы до трех часов беглеца не нашли, то объявили бы «Общий сбор». Всех офицеров бы собрали. Но что-то, кроме нас двоих, я никого больше не замечая.

– Ты прав. Гадай, не гадай, вывод один – ночь для нас выдалась хреновая!

– Вот это точно. Как и погода, будь она неладна! Да, ты знаешь, что сейчас Главком Объединенных Вооруженных Сил Варшавского Договора в наши края прибыл? – спросил Стас.

– Слышал краем уха, официально же не доводили!

– Точно тебе говорю. Ко мне вчера корешок заезжал из Кляшнинецкого полка, рассказывал.

– И что именно?

– Да как маршал у них шухер позавчера ночью навел!

– На это он мастер!

– Главное, что началось-то все с КПП. У них там есть прапор с ремроты, Волков Саня. Мужик и специалист в технике отменный, но бухарик, каких поискать! Так вот он как раз и стоял дежурным по КПП. Как назло! Ну и дежурного по столовой к себе в дежурку пригласил. Выпить, в картишки перекинуться. Короче, ночь скрасить! Скрасил! Под утро к воротам два «УАЗа» подкатывают, а их полк, сам знаешь, как раз на пути к полигону стоит, и туда часто всякие командирские машины заправиться наведываются. Вот, наверное, и подумал Волк, что блудят ребята по ночам, а бензина ноль. Ну и ворота не спешит открывать. Ему сигналият. Он выходит. В первой машине сидит громила, ты знаешь комплектацию маршала, без фуражки

и в простой танковой куртке. Волк его спрашивает, чего, мол, рассигналился? Подождать не можешь? Что тут началось! Маршал из машины выскакивает, сбрасывает куртку, а под ней – целый иконостас. Волк как маршальские звезды увидал, так и охренел. Слова сказать не может.

– Охренеешь тут!

– Ну вот, а от самого Волка спиртным метра на два шибает. Жрали-то они технический спирт. Маршал на него: «А ну подать сюда дежурного по части!» А тот, уже предупрежденный, бежит от штаба. Бежал капитаном, а от маршала – вызывать командира полка – уже старшим лейтенантом. В момент Главком звезду с него снял! Ну прибыло все командование, объявили «Общий сбор». Маршал требует карту, спрашивает: «Какой батальон на проверке занял первое место?» Ему докладывают: «Второй!» Не знали же, что у Главкома на уме. А батальон только что вернулся с тактических учений. Маршал подзывает комбата, только недавно назначенного, и ставит задачу по карте, куда должен прибыть его батальон. В полном составе приказывает вывести подразделение! Ну комбат и заметался! У него из тридцати машин десяток на тросах с полигона притащили. Но тут сориентировались быстро, выбрали самые лучшие БТРы со всех рот и сформировали подразделение. И пошли те незнакомым маршрутом. А указанный район был обозначен за рекой Лабой! Вот и уперся батальон в реку. Стоят. Машины-то к форсированию водных преград, сам знаешь, как подготовлены. Как топоры. А Главком тут как тут. Спрашивает: «Чего стоим, капитан, или вам не ясен конечный пункт марша?» Тот докладывает: «Ждем, когда понтоны подойдут». Маршал аж взвился: «Какие тебе, к черту, понтоны? А БТРы на что? Они же плавающие! Вперед по плану! Реку форсировать своими силами». Пришлось подчиниться. Машины, как вошли в реку, тут же на дно, к чертовой матери! Хорошо, что еще место мелкое у берега было. Ну тогда Главком и выдал все, на что способен. Во всей армии, наверное, никто больше так материться не может.

– Тут ты прав. Слышал как-то со стороны.

– В результате он комбата сразу снимает. Говорит: «Тебе еще ротой лет пять командовать надо, а не батальоном!» Командира полка забирает с собой и уезжает, а батальон только вчера смог вернуться в часть. Вот такие дела! Может, и нас ждет похожая участь? Самого маршала, понятно, в полку нет, а вот какой-нибудь его порученец запросто мог прибыть. И поставит сейчас нам задачу! А придумать они могут что угодно: и марш, и боевую стрельбу, и даже смотр техники!

– Ночью?

– А им по херу!

– Лично мне тоже по херу! Будь что будет. Все равно от нас с тобой ничего не зависит.

– Это точно! – подвел итог Станислав Кауров.

Так, за разговорами, офицеры подошли к контрольно-пропускному пункту полка, как раз в тот момент, когда от него отъезжали две машины – гражданская «Шкода» и полицейская легковая «Татра». Офицеры так и не смогли угадать причину своего вызова. Фантазии не хватило. Дело было страшное и трагичное...

«Шкода» пошла в сторону Рихнова, полицейский же автомобиль, включив световую сигнализацию, свернул на дорогу, ведущую в Гутвальд, который располагался в шести километрах от Полениц. На этой дороге практически каждое воскресенье командир полка устраивал офицерам трехкилометровый кросс. Как он говорил, «для поддержания формы». Появление же возле части чешских машин ночью было явлением необычным. Поэтому Константин спросил у дежурного прапорщика:

– Валь, а чего здесь «рогалики» делали?

«Рогаликами» местное население называли из-за мучных кондитерских изделий, заменяющих им белый хлеб, которого здесь в продаже никогда не было.

Прапорщик охотно ответил:

– У нас ЧП. Бойцы с оружием сдернули. Подробности не знаю, а чехов, видно, задели, вот они и прикатали. У командира были. Того по их просьбе вызвали!

– А кто сейчас еще у Юрина?

Майор Юрин Владимир Юрьевич являлся командиром полка.

– Сейчас, подожди. Особист, начмед полка, начальник штаба и начальник разведки, капитан Федоров. Да еще замполит новый, тот, что из Афгана с Красной Звездой прибыл. Помоему, все! Ну и вас вот еще вызвали.

– Понятно. Идем, Костя! Кажется, не простой побег, раз «рогалики» шум подняли.

Лобанов с Кауровым прошли в штаб, поднялись на второй этаж.

И Стас, и Костя сразу ощутили тревожную обстановку, царившую в служебном помещении. Командир курил, хотя бросил эту вредную привычку две недели назад. Офицеры сидели недвижимо, в каком-то безмолвном оцепенении. На рабочем столе лежала карта района.

Когда Лобанов и Кауров вошли в кабинет, командир полка обратился к начальнику штаба:

– Теперь все собрались. Майор Гречко! Доведите до старших лейтенантов общую обстановку. Да и мы еще раз послушаем.

– Есть! Ситуация, товарищи офицеры, прямо скажу, серьезная. На дальний пост ГСМ совершено нападение. Часовой, рядовой седьмой роты Маленков, убит! Ему нанесены множественные ранения саперной лопатой. Умер он на месте. Нападение совершили, как это уже точно теперь установлено, его разводящий и караульный смены поста. Братья Комоловы. Сержант Али Комолов и рядовой Мухтар Комолов. Они с поста не вернулись. Время преступления также известно. Около ноля часов. Оружие, то есть автомат часового и боекомплект, похищены.

– Разрешите вопрос? – спросил Лобанов.

– Спрашивайте!

– А не могли «снять» с поста не только часового, но и всю смену те же чехи? Инсценировка ради оружия? А тела куда-нибудь спрятали, в те же лесные катакомбы? Я почему так предполагаю, товарищ майор? Для чего вооруженным Комоловым еще третий автомат? Лишняя ноша. Патроны нужны, но не автомат! Ведь его возле убитого, как я понял, не обнаружили?

– В ваших рассуждениях есть логика. Может быть, эта версия и стала бы основной. Ведь в последнее время отношение местного населения к нам заметно ухудшилось, особенно после провала Валенсы в Польше. Но эту версию опровергли сами чехи! Комоловы проявили себя, спустившись из леса к дороге, где-то между Поленицами и Гутвальдом.

– Их кто-то видел? – продолжал задавать вопросы Лобанов.

– Да. И не только видел. В начале второго к КПП полка подъехал чех, служащий «Местного Выбора Гутвальда». Коммунист, между прочим. Это я в отношении возможной провокации. По его словам, подойдите к карте, вот здесь, в полутора километрах от Гутвальда, он увидел на трассе человека в солдатской форме. С автоматом, который сначала не разглядел из-под плащ-палатки. Солдат голосовал. И когда чех решил проехать мимо, боец вдруг выхватил оружие и выстрелил в лобовое стекло, целясь в водителя. Пуля, к счастью, вреда ему не причинила. Но чех, естественно, тут же увеличил скорость и рванул в Поленицы. Откуда, с заправочной станции, позвонил в полицию. Те сообщение приняли и посоветовали следовать к нам. Что чех и сделал. Оперативный вызвал нас с командиром. Мы чеха выслушали, осмотрели автомобиль. Лобовое стекло пробито. Пуля застряла, видимо, где-то в салоне. И в этот момент получаем доклад о невозвращении смены караула. Резервная смена во главе с начальником караула обнаружила труп Маленкова. Следом объявилась полиция. Они своими силами прочесали район. Около трассы, где обстреляли машину, обнаружили окурки сигарет «Северные», следы солдатских сапог и автоматную гильзу. Кроме того, они нашли оружие убитого часового, только без штык-ножа.

– Понятно.

– Вы закончили, Александр Яковлевич? – спросил командир. Чувствовалось, что ему не терпится отдать приказ. Экстренный случай требовал незамедлительного принятия срочных мер. И все присутствующие это понимали.

– Так точно, товарищ майор!

– Значит, так, товарищи командиры рот. Мы здесь оценили обстановку и пришли к выводу, что полицейские спугнули беглецов и они скрылись в лабиринтах старого укрепрайона. Вам, Кауров, приказывается поднять личный состав и, используя бронетехнику, выйти к началу этого района. Надеюсь, вы знаете дот, который виден с дороги на Гутвальд?

– Так точно!

– И далее в пешем порядке двигаться по его линии, блокируя выходы из подземелья. Вниз не спускаться. Задача ясна?

– Так точно!

– Вам, Лобанов, на своих БМП предстоит выдвинуться на западное окончание линии обороны укрепрайона в районе местечка Бортошовиц. И оттуда начать блокирование выходов. Тем самым мы должны закрыть их в мертвом бетонном мешке и ждать, пока они не выйдут сами. А змеи в этом нам помогут!

Недалеко от Полениц еще со времен Второй мировой войны в лесном массиве сохранился укрепленный район обороны гитлеровцев. В основном его бетонные лабиринты находились под землей, вырастая на поверхности куполами долговременных огневых точек. Там же были и входы в подземелье. Эти катакомбы ни среди местных жителей, ни среди военнослужащих Советской Армии и членов их семей популярностью не пользовались. Слишком уж мрачны были мертвые бетонные останки прошедшей войны. Тем более что, по слухам, там, под землей, находился настоящий змеиный рай. Правда, этого никто не проверял. И вот теперь ротам Лобанова и Каурова предстояло пройти по мокрому лесу и, находясь под холодным дождем, отслеживать все выходы из подземелья. Задача, прямо скажем, не из приятных.

Офицеры ответили:

– Есть, – и покинули кабинет командира полка.

На улице они разошлись, каждый к своему подразделению.

Вскоре роты, поднятые по тревоге, загудели как ульи. Солдаты выскакивали из казарм и, уже строясь повзводно, поправляли на себе амуницию и вооружение. Командиры взводов и прапорщики прибыли немного позже, когда личный состав, расположившись возле автопарка, ожидал появления боевых машин.

Разведывательная рота Лобанова уходила первой, так как ей еще надо было совершить марш до Бортошовиц. Для нее и были открыты основные ворота.

Константин, пока техника, выезжая из парка, разворачивалась в линию, ставил задачу командирам взводов:

– Боевые машины пехоты расставить в лесу, охватив лесные укрепления с обеих сторон. Под прицелы пушек и спаренных пулеметов взять широкие проломы, глубокие трещины, входы в доты. Личный состав рассредоточить цепью, тоже с двух сторон бывшей линии обороны, соблюдая дистанцию прямого визуального контакта между собой. Внутрь никому не соваться. Только блокирование местности. При обнаружении дезертиров докладывать ближайшему офицеру, который, в свою очередь, должен предложить беглецам добровольную сдачу. В случае отказа и применения ими оружия открывать огонь на поражение! Всем командирам взводов и старшине роты проверить, чтобы личный состав поголовно имел плащ-палатки, и следить, чтобы люди не промокли. Если нужно, то одевайте солдат в общевойсковые защитные комплекты. Но чтобы после всей этой чехарды в роте больных не было! Это приказ! Усвоили? Вопросы есть?

– Никак нет!

– Тогда вперед! Я на головной машине, прапорщик Горюнов замыкает! К машинам!

Через несколько минут колонна БМП разведывательной роты по небольшому горному серпантину длинной змеей вытянулась в сторону Бортошовиц. Когда первая машина достигла конечного пункта, старший лейтенант Лобанов приказал по внутренней связи развернуть технику и войти в лес, чтобы пробиться к укрепляющему и заблокировать его.

Следом то же самое проделала мотострелковая рота старшего лейтенанта Каурова. Чтобы со всех сторон окружить заданный объект, военным понадобилось чуть более часа. Командиры рот доложили об этом командиру полка и получили подтверждение приказа. Только ждать и наблюдать!

Впрочем, ожидание продлилось недолго...

Командир полка и старшие офицеры оставались еще в штабе, продолжая анализировать обстановку, когда раздался звонок телефона чешской районной связи. Командир поднял трубку:

– Майор Юрин. Я вас слушаю! Так! Гутвальд?.. Вторая улица от дороги по ходу от Поле-ниц? Понял вас. Мы немедленно начинаем действовать!

Командир отключился, обвел мрачным взглядом присутствующих офицеров, сказал:

– Ошиблись мы. Не в катакомбы пошли убийцы. Комоловы в Гутвальде! Вот так... Чего я и боялся. Дезертиры захватили жилой дом. Обнаружили себя несколькими очередями, которые услышал патруль полиции. Огонь велся внутри здания. Чехи начали вычислять, и из одного дома их обстреляли. В кого стреляли эти Комоловы? Теперь диспозиция меняется. Все, что было решено ранее, отставить! Слушай новый приказ! Кауров с одним БТР двигает в Гутвальд, остальная рота возвращается в полк, им «отбой». Лобанову же мухой лететь туда же, в Гутвальд, но в населенный пункт без моего распоряжения не входить! Мы же отправляемся туда немедленно! Всем получить автоматы и бронежилеты. Выезд через пятнадцать минут!

Вскоре начальник штаба, особист и замполит в «УАЗе» командира полка, вооруженные и экипированные для ближнего боя, прибыли в чешское местечко Гутвальд. Здесь их встретил начальник местной полиции надпоручик Олда Лада. Он неплохо говорил по-русски:

– Ваши солдаты заняли дом пожилого пана Зденека Русначека. С ним его жена Мария и трое внучат. Один мальчик, три года. И девочки – пять и восемь лет. Отец и мать детей отдыхают в Австрии.

– Ясно! Значит, в доме стреляли?

– Точно так, содруг майор! Не дай бог в людей!

– Скоты!

– Что вы намерены предпринять, содруг майор?

– Оцепить район. Техника и люди сейчас подойдут. Затем вступить с дезертирами в переговоры. Чего они добиваются? Какую цель преследуют?

– Я слышал про убитого часового. Сожалею, содруг майор! Но хочу спросить: вы сообщили о преступлении старшему советскому командованию?

– Да! По оперативной связи!

– Я, в свою очередь, передал о случившемся по команде. Мне приказали связаться с вами и действовать совместно. При необходимости из Оломоуца может срочно прибыть отряд нашего спецназа.

– Подождите! Я еще не знаю решения своего командования.

– Но время идет!

– И все же потерпите, содруг надпоручик.

– Я вынужден подчиниться.

– Вот и отлично!

Грохот дизелей и лязг гусениц по мостовой известил, что рота Лобанова подошла к Гутвальду. Командир приказал личному составу покинуть боевые машины пехоты и скрытно

рассредоточиться вокруг захваченной усадьбы, состоящей из двухэтажного дома и огромного сарая, покрытых черепицей. В это время Юрина вызвали на связь. На проводе был командир корпуса генерал Родин. Он приказал заблокировать район и начать переговоры с дезертирами, которые необходимо затянуть до прибытия специального подразделения десантно-штурмовой бригады. Она и должна произвести захват преступников. Или уничтожить их!

Последнее отделение, окружающее усадьбу с тыла, вдруг попало под обстрел двух автоматов с чердака сарая. Трое бойцов получили ранения различной степени тяжести.

Стало ясно, что дезертиры покинули дом и перебрались в сарай, где им служили «щитом» бревна, опоясывавшие чердак со всех сторон. Они являлись отличной защитой, во всяком случае, пули эти бревна пробить не могли. Оставались пушки «Гром» и крупнокалиберный пулемет «КПВТ» на бронетранспортере. Командир полка, замполит, старший лейтенант Лобанов и представители полиции осторожно вошли в дом.

Перед ними открылась страшная картина. На первом этаже, в столовой, у раскрытого холодильника, лежал пожилой мужчина в спальном костюме, пан Зденек Русначек. Его грудь была разорвана автоматной очередью. Видимо, услышав посторонний шум внизу, он спустился по лестнице и увидел солдат, которые сидели за столом. Они вовсю потребляли запасы провизии, запивая еду из двух бутылок со сливовицей. Появление хозяина бандиты встретили очередью. А сами, как потом показало следствие, спокойно продолжили трапезу. На втором этаже головой вниз лежала седая женщина. Пули прошли ее, когда она мешала преступникам подняться в спальню или выбежала на звук выстрелов.

Но самое страшное, заставившее содрогнуться даже замполита, прошедшего ад Афганистана, находилось на втором этаже.

В маленькой кроватке лежал трехлетний мальчик. Выродки отрубили ему голову. Мальчик сжимал в руке свою любимую игрушку – плюшевого мишку, залитого, как и вся постель, кровью. Рядом с кроваткой, на полу, находилось растерзанное и пронзенное штык-ножами тело пятилетней девочки, с перекошенным от ужаса и боли, белым как мел лицом. Все кругом также было забрызгано кровью.

Третьей же, восьмилетней, девочки в спальне не было. Комоловы взяли заложницу!

Лобанов на мгновение представил, что с его еще не родившейся дочерью может произойти нечто подобное, и не нашел сил сдержаться. От гнева, злости, ярости и желания убить ублюдков, сделавших такое, его буквально трясло!

Офицеры вышли из дома, когда туда собирались войти начальник штаба, Кауров и глава «Местного Выбора», прибывший на место преступления.

– Что там, Кость? – спросил Кауров.

– Там... ад, Стас! Эти твари... Извини, потом, сейчас не могу!

В здании закрылись эксперты чешской полиции.

Командир Юрин под впечатлением увиденного в доме приказал одному из БТРов сблизиться с сараем и расстрелять кровлю из пулеметов. Такое психологическое давление должно было облегчить ведение переговоров. Но майор вынужден был тут же отменить свой приказ – крупнокалиберные пули, раскрошив черепицу, пробивали крышу насквозь и попадали в соседние дома. Чехи подняли шум, бронетранспортеру дали команду отойти.

И тут старший брат, сержант Али Комолов, решил сам выставить условия. Он закричал, и голос его был хорошо слышен:

– Командир, падла! Не стрелять! У нас тут молоденькая чешка. Если вы не хотите, чтобы мы порезали ее на куски, слушайте внимательно и беспрекословно выполняйте все наши требования. Первое – подгоните пустой БТР к сараю, откройте все люки. Боезапас должен быть полным. Плюс несколько гранатометов и переносных зенитно-ракетных комплексов. Я сам проверю. А также жратвы на сутки! Второе – мы с чешкой уходим. Можете сопровождать нас, не сближаясь, до западногерманской границы. Так, чтобы нас встретили американцы. Мы им

сдадимся, с ними и сторгуемся насчет девки. Все! Времени вам двадцать минут! Потом выбрасываем вам чешку по частям и принимаем бой. Живыми не сдадимся!

Командир спросил начальника чешской полиции:

– Как скоро может подойти ваш спецназ?

– Не знаю. Но, думаю, не ранее получаса!

Он связался со штабом корпуса, где ему сообщили, что группа захвата десантно-штурмовой роты только что вылетела на вертолете. Добираться им около сорока минут. В любом случае ни чешский, ни советский спецназ не успеет появиться здесь вовремя. Придется брать операцию на себя.

Командира поддержал замполит:

– Юрий Владимирович, послушайте моего совета: преступникам не отвечайте и вообще больше в переговоры с ними не вступайте. БТР надо подогнать, как требуют. Пусть один из братьев окажется вне чердака. Тогда сработает снайпер: выбьет выстрелом оружие или ранит их в коленные суставы.

– Вы предлагаете мне план штурма, майор?

– Так точно!

– Продолжайте!

– Я здесь переговорил с офицерами и хочу сказать следующее. Лейтенант из разведроты возьмет вон ту лестницу. Видите возле дома?

– Вижу.

– Одновременно, как только старший Комолов спустится в БТР, рота открывает шквальный огонь по крыше, ближе к бревнам. Это заставит Комолова-младшего залечь. Лейтенант подносит во время обстрела лестницу к правому лазу, мы с Лобановым быстро поднимаемся. В это время пулеметчик снизу должен разнести лаз на щепы. Как только я даю отмашку, огонь всем прекратить! Я же прыгаю на чердак. Комолов реагирует на мое появление, и тут старший лейтенант бьет на поражение.

– Вы понимаете, на что идете?

– Понимаю, командир! Я знаю, что делаю. Поверьте мне!

– И Лобанов согласен?

– Все офицеры выразили согласие участвовать в акции, все без исключения. Но Лобанов – разведчик! Мне нужно, чтобы вы, как его начальник, утвердили операцию.

– Действуйте!

Быстро проделав подготовительную работу, замполит – майор Боровин – и старший лейтенант Лобанов пошли на штурм. Али Комолов нырнул в БТР, и тут же со всех сторон ударили автоматы, круша черепицу. Огонь прекратился, как только лейтенант приставил лестницу и по ней на чердак поднялись две фигуры. Замполит нырнул внутрь, сразу же откатившись в сторону, открыв огонь из автомата выше бревен, чтобы не задеть заложницу. Мухтар отбросил от себя девочку и успел только перевести ствол автомата в сторону Боровина, когда сбоку по нему ударила длинная очередь, разрывая форменную одежду. Внизу же начальник штаба, сам прекрасный снайпер, выбил одним выстрелом автомат из рук Комолова-старшего, и того быстро «спеленали» бойцы разведывательной роты.

Девочку, потерявшую сознание от пережитого кошмара, но живую и невредимую, аккуратно на руках спустили вниз. Затем сбросили сверху труп рядового Комолова. Али, увидев мертвого брата, дико закричал, пытаясь вырваться, но его крепко держали два дюжих прапорщика.

– Мухтар! Мухтар! Брат!

Какие-то неразборчивые чеченские слова... Затем, замолчав, Али злобно взглянул на Лобанова, которому пришлось прицельно расстрелять дезертира, набычился и выдохнул:

– Старлей! Разведчик!

Лобанов оглянулся.

– Смотри, шакал, на смерть свою! Я убью тебя, я убью всех твоих родных, я вырежу твой род, будь он проклят! Клянусь погибшим братом, я отомщу тебе!

– А ну, уберите эту обезьяну, – приказал командир полка. – Внимание личному составу! По машинам! Уходим! Сейчас чехи устроят здесь такое представление, что мало никому не покажется. Всем в полк!

Надпоручик полиции Лада подошел к подполковнику:

– За спасение девочки спасибо, содруг майор! Ваши люди рисковали жизнью. Я сделаю все, чтобы успокоить народ. Но, извините, первое время вашим офицерам и членам семей лучше в Гутвальде не появляться, сами понимаете!

Позднее Лобанов, Кауров и все офицеры полка узнали, что Али Комолова во Львове суд военного трибунала приговорил к смертной казни. Сведения о приговоре довели приказом по частям. Только не знал старший лейтенант Лобанов, приведен ли приговор в исполнение...

ЧАСТЬ I

Глава 1

Россия, Москва, Казанский вокзал.

Середина августа 2001 года.

Константин Владимирович Лобанов вышел из вагона поезда дальнего следования, доставившего его домой из командировки, куда он ездил по делам своей небольшой коммерческой фирмы. Настроение было волнующе приятным. Переговоры с поставщиками товара закончились успешно, но главное – впереди ждала встреча с женой Галей, дочерью и сыном, которых он очень любил.

Константин специально не сообщал семье даты возвращения, готовил сюрприз. Поэтому и на вокзале его никто не встречал. Лобанов закурил, ожидая, когда с перрона схлынет толпа. В этот миг к нему подошли двое людей в серых костюмах.

– Лобанов Константин Владимирович? Мы из милиции, ваш паспорт, пожалуйста! – сказал один из них.

– С кем конкретно имею честь, если не секрет?

– Пожалуйста, вот мое удостоверение.

Костя внимательно осмотрел документ, протянул в ответ свой паспорт.

Милиционер положил его к себе в карман, предложил:

– Пройдемте с нами, Константин Владимирович.

– Но я не понимаю. В чем дело?

– Извините, нам приказано встретить вас и доставить в Управление. Это все, что я могу сказать. Остальное узнаете на месте. Прошу, машина на вокзальной стоянке.

– Чертовщина какая-то! Позвольте хоть носильщика нанять, вещи тяжелые!

– Ничего, мы с лейтенантом поможем.

Тревога сжала сердце Константина. Предчувствие опасности заполнило его, как когда-то при выполнении сложных боевых задач на перевалах Гиндукуша. Понимая, что эти люди – лишь исполнители чужой воли, вступать с ними в разговор не имело смысла. Что же произошло? Почему он задержан? Дела фирмы? Абсурд. Что-нибудь с семьей?.. Нет! Только не это...

Через полчаса Лобанов вошел в Управление внутренних дел своего округа. Его сразу провели в кабинет заместителя начальника, седого и серьезного полковника, вместе с которым находился еще мужчина в штатском, тоже, вероятнее всего, представитель правоохранительных структур. Полковника звали Александр Петрович, своего коллегу в гражданской одежде он представлять не стал, а сразу перешел к делу:

– Лобанов Константин Владимирович?

– У вас же в руках мой паспорт!

Полковник проигнорировал реплику Лобанова.

– Зарегистрированы по Зеленой, 78—164?

– Да. Но в чем дело?

– У вас есть дача в Ползове?

– Может, в конце концов вы скажете, что произошло?

– Видите ли, Константин Владимирович... Вы ведь бывший военный? Мужайтесь. Произошло страшное. Сегодня, около двух часов ночи, на вашу дачу в Ползове было совершено вооруженное нападение. Ваша жена и дети убиты.

– Что??? Галя, Катя? Данила???

В глазах у Лобанова потемнело. Застучало в висках, сердце, казалось, оборвалось. К нему бросились полковник и штатский. Лобанов словно откуда-то издалека слышал короткие команды:

– Володя, врача и воды, быстро! Константин Владимирович! Константин Владимирович!

Пауза. Белый халат, напатырь, укол.

– Ну как вы? – спросил, наклонившись, полковник.

– Извините. Сейчас, еще немного, и я приду в себя.

Косте подали стакан воды, и он жадно, в два глотка, выпил жидкость. Через несколько минут Лобанов сумел взять себя в руки, только слабость и неестественное в данный момент спокойствие – результат проведенной инъекции – делали его реакцию немного замедленной.

– Вы можете продолжать, Александр Петрович!

– Уверены, что не нужен перерыв?

– Прошу, продолжайте!

– Хорошо. Вы тут назвали имена детей, но мальчика среди трупов не было!

– Данилы не было? Но вы же сказали, дети... Значит, он жив?

– Это неизвестно. Вполне возможно, жив, но в дачном поселке его никто не видел.

На железнодорожной платформе тоже. Да и на квартире мальчик не объявлялся, там сейчас выставлен пост.

– Похищение?

– Не знаю...

– Но это же абсурд какой-то, полковник. Чушь! Целенаправленное заказное убийство семьи? За что? Почему?

– Но вы же директор коммерческой фирмы. Обычное сейчас дело – сводить счета...

– Да какая у меня фирма? Два магазинчика и офис на трех человек. После увольнения из армии надо же было как-то кормить семью. Да, семью!.. Если вы думаете, что у меня могли быть враги, то ошибаетесь. И конкуренцию я никому по большому счету не составлял. Ни угроз, ни наездов! Ничего не было! Даже «крыши».

– Личная месть? – спросил человек в штатском.

– Да ни с кем я особо и не общался. Конфликтов не было. Денег не задолжал. Дорогу никому не переходил.

– Но за что-то ведь против вашей семьи применили насилие.

– Этого-то я и не могу понять!

– Вы утверждаете, что ни с кем не конфликтовали в последнее время. Но в прошлом...

Когда служили в армии?

– А что в армии? Если только «духи» из Афганистана спустя двадцать лет решили отомстить. Тех я со своим разведбатом положил немало!

– Больше ничего вспомнить не можете?

– Не знаю! Даже не представляю, о чем думать!

– Пока достаточно! Но вам необходимо пройти процедуру опознания тел.

– Я понимаю. Надо, так надо!

Полковник немного замялся, и Лобанов это заметил. Он сказал:

– Мне кажется, вы что-то недоговариваете. Так, Александр Петрович?

Полковник встал, обошел стол.

– Вы правы. Понимаете, в своей жизни я видел много трупов. Жертв жестоких, изощренных убийств, но... Простите меня, но то, что сделали с вашей женой и дочерью, даже у меня вызвало шок!

– Что вы хотите этим сказать? – тихо, почти шепотом, спросил Лобанов. Голос его стал хриплым.

– Перед тем как убить, над жертвами издевались. Подвергали нечеловеческим пыткам. Их растерзали. В прямом смысле этого слова.

Внутри Лобанова все дрожало, но он находил силы держать себя в руках, хотя это давалось ему огромным напряжением воли.

– Продолжайте, полковник!

– Когда мы прибыли на место преступления, то увидели тела с многочисленными ранами, отрезанные головы, вспоротые животы... Больше не могу! Перед глазами стоит весь этот кровавый кошмар! Может, и не стоило вам этого говорить, но вы все равно бы узнали. Лучше уж все сразу! Утром убитых обнаружила соседка, которая сразу созвала весь поселок.

– Молочница, – автоматически проговорил Костя.

– Что вы сказали? – переспросил полковник.

– Соседка Настя! Она приносила нам свежее молоко, когда мы отдыхали на даче.

– Это мы выяснили.

Вновь недолгая пауза. Следовало ехать в морг, но Лобанов явно пока не был готов к этому. Он вдруг неожиданно спросил:

– У вас, наверное, есть фотографии с места преступления?

– Безусловно.

– Покажите их мне!

– Константин Владимирович! Давайте лучше не будем. Не советую. В морге...

– Покажите мне фотографии!

– Ну я не знаю! Не хватало еще, чтобы и вы...

– Пожалуйста! Покажите мне фотографии! – продолжал настаивать Лобанов.

– Что ж, смотрите!

Полковник достал пока еще тонкую папку уголовного дела, вынул несколько снимков, положил на стол перед Лобановым.

Константин через силу посмотрел на них. Ни лице его сначала отразился ужас, сменившийся недоумением:

– Но это... Это не моя семья! – Лобанов перевел взгляд на полковника милиции.

– Что значит, не ваша?

– На фотографии Людмила и Даша Кауровы.

– Что? Не понял? – настала очередь крайне удивиться Семенову.

– На этих фотографиях... не моя семья. На них Людмила Каурова, жена моего давнего друга, и их дочь Дашенька!

– Но...

– Минутку, товарищ полковник, как же я... Сейчас, извините.

Лобанов достал сотовый телефон, дрожащим пальцем, со второго раза, набрал нужный номер. Ему ответили:

– Да?

– Галя?

– Нет, папа, это Катя! Здравствуй, пап. Ты уже приехал?

– Здравствуй, Катюша! Что-то связь плохая, не узнал тебя. Да, я приехал! Где вы сейчас?

– У бабушки Анюты!

– А... вы все там?

– Все! Вон Данилка трубку снимает.

– А где мама?

– Она на улице, стирает! Позвать?

– Позови!

– Пап? – раздался голос сына. – Ты подарки привез?

– Привез, Данилка, привез, вы мне маму... Галя?

– Костя? Ты почему не сообщил о приезде? Мы бы вернулись в город.

– Подожди, Галя! Сделай так, чтобы детей рядом с тобой не было.

– А что такое?

– Поймешь позже. Прошу тебя.

– Ну хорошо...

Небольшая пауза, затем вновь встревоженный голос жены:

– Я в соседней комнате, одна, можешь говорить! Что-то случилось?

– Галя, как у нас на даче оказались Кауровы?

– Стас уехал в одну из своих бесчисленных командировок, вот Люда и попросила детей на природу вывезти. Но что случилось? Можешь, наконец, объяснить?

Полковник слушал разговор, стоя рядом, он показал жестом, чтобы трубку передали ему.

– Галя, у Кауровых несчастье. Вот тут с тобой хочет поговорить человек из милиции.

– Милиции? Но...

– Галина... Извините, как вас по отчеству?

– Сергеевна.

– Галина Сергеевна, с вами говорит полковник Семенов. Как вам уже сказал муж, с семьей Кауровых произошло несчастье. Позднее вы все узнаете. Я хотел бы знать, в каком поселке или деревне вы сейчас находитесь?

– В Архиповке. Серовского района. Это в пятидесяти километрах от города.

– Скажите, в доме ваших родных есть мужчины?

– Мужчины?

– Да, мужчины.

– Брат. Он сейчас во дворе.

– Тогда слушайте меня внимательно. Соберитесь все дома. Закройте двери. Чуть позже к вам подойдет участковый милиционер. Вы его, кстати, в лицо знаете?

– Еще бы! Он мой бывший одноклассник.

– Отлично. Где-то часа через полтора за вами прибудет патрульный автомобиль. Придется вам, Галина Сергеевна, приехать к нам. Здесь же вас будет ждать муж.

– Вы можете сказать, что все-таки произошло? – настойчиво, как недавно сам Лобанов, потребовала объяснений Галина.

Но полковник передал трубку мужу и добавил, прикрывая мембрану:

– Можете сказать, что Кауровы погибли. Но в подробности не вдавайтесь!

Костя взял трубку и кратко сообщил жене о случившейся трагедии. Прощаясь с Галиной, произнес:

– Сделай, родная, все так, как сказал полковник. И до скорой встречи!

Полковник тут же отдал необходимые распоряжения участковому инспектору в Архиповке и срочным образом отправил за семьей усиленный наряд ОМОНа. Потом посмотрел на Лобанова:

– А теперь, Константин Владимирович, давайте подробно о том, кто такие Кауровы. Как я понял, они друзья вашей семьи и оказались на даче случайно. Меня интересуют подробности. Что за семья? Ее состав, возраст, в общем, все, что вы знаете о них.

– Да что тут знать! Мы со Стасом, Станиславом Сергеевичем Кауровым, познакомились еще в Чехословакии в восьмидесятом году. После окончания военных училищ нас распределили в один и тот же мотострелковый полк. Он был пехотинцем, я попал в разведроту. Узнали, что земляки, из одного города. Подружились. И жены наши нашли общий язык. Потом, через пять лет, меня как командира разведроты перевели в Афганистан. Затем Туркмения, солнечный Теджен. Ну и увольнение в запас. Я с семьей вернулся домой, к родителям. Отец умер еще в восьмидесятых, мама через год после нашего прибытия.

– Извините, а в Архиповке что, живут родственники жены?

– Да. Мама и брат с семьей. Я вот открыл небольшую частную контору и купил дачу. Будь она проклята!

– А Кауров?

– Стас? Он после Чехословакии попал на Украину, затем тоже в Афганистан, но уже позже. Потом увольнение. Вернулся в столицу, как и я. А встретились не так давно, случайно. Представляете, в метро! Спускаюсь я...

– Понятно. И извините, что перебиваю вас. Не будем терять время на лишние подробности. Значит, вы встретились, и дружеские отношения возобновились, так?

– Конечно! Праздники встречали вместе, на отдых выезжали. Хотя Стас все время был очень занят.

– Почему?

– Работа у него такая на «гражданке».

– Извините за настойчивость, – вступил в разговор «штатский», – что за работа у Каурова?

– Да в каком-то НИИ. Испытатель. Вот он и вынужден большую часть времени проводить на полигонах.

– Научно-исследовательский институт? Какой, вы точно не знаете?

– Не знаю. Интересовался, но Стас так и не сказал. Даже жена его, простите, покойная жена, не знала. Но у меня есть подозрения, что он продолжает службу в каких-то спецчастях.

– Насколько это достоверно?

– Личные впечатления. Не знаю, как вам это объяснить... Всегда он весь такой собранный, сосредоточенный, сжатый, как пружина. Словно находится в постоянной готовности к бою.

– Но если он испытатель, то подобная характеристика, которую вы ему дали, вполне подходит к его рискованной профессии.

– Может быть. Я просто высказал свои предположения.

– Телефонной связи с ним у вас нет?

– Непосредственно с ним нет! Но он оставил номер. На всякий, как он выразился, экстренный случай. По этому номеру Стаса быстро найдут и передадут сообщение.

– Это уже лучше. Дайте-ка этот номер!

– Минуту, – Лобанов достал записную книжку, долго ее листал, – вот, нашел. Записывайте...

Константин называл цифры, полковник Семенов нажимал кнопки своего аппарата. На другом конце провода ответили сразу. Сухой, жесткий голос отчетливо произнес:

– Вас слушают!

– Полковник милиции Семенов. УВД Западного округа.

– Очень приятно. Слушаю вас.

– Мне необходимо связаться со Станиславом Сергеевичем Кауровым.

– Что произошло?

Полковнику очень не понравился тон, которым с ним разговаривал неизвестный абонент.

– Мне нужен Кауров. Неужели не ясно? Или вы не поняли, кто с вами говорит?

– Я все прекрасно понял, полковник! Вы когда-нибудь слышали о Федеральной Службе Х-4 «Виртус»?

Раздражение на лице милицейского начальника сменилось удивлением и озабоченностью:

– Конечно!

– Так вот. С вами говорит офицер этой Службы. Что произошло с Кауровым?

– У него погибла семья!

– Понятно. Отключитесь. Никого не оповещайте. Ждите, вам перезвонят!

Дежурный секретной Федеральной Службы по борьбе с терроризмом и наркомафией сразу же вызвал полковника Борисова:

– Товарищ полковник! Только что поступило сообщение из УВД Западного округа о гибели семьи Каурова.

– Что???

Офицер повторил:

– Сообщение о гибели семьи подполковника Каурова!

Феликс Борисов молчал. Слишком неожиданна и страшна была новость, которую ему сообщил дежурный. Борисов прекрасно знал семью своего подчиненного и боевого товарища, Станислава Каурова. Наконец он попросил:

– Дайте мне номер телефона милиции.

Дежурный назвал цифры.

– Спасибо. Продолжайте службу. Предупредите генерала Валентинова, что мне требуется срочная личная встреча с ним. Доложите, когда директор сможет принять меня. Я все время буду у себя!

– Есть!

Феликс набрал номер УВД и через десять минут знал все обстоятельства страшной трагедии.

– Значит, так, Александр Петрович, – во время разговора Борисов узнал имя и отчество Семенова, – за семьей Лобанова и за ним лично к вам немедленно придут наши люди. Передайте им копию уголовного дела. Все собранные улики и заключения экспертов. С вашим начальством к этому времени все будет согласовано. Расследование продолжайте, но, честно вам скажу, особого рвения можете не показывать. Скорее всего дело перейдет к нам! О том, что преступлением заинтересовалась наша Служба, никому ни слова. Оставьте свой номер сотового телефона. Вы можете нам понадобится!

Вот, значит, как обернулось дело! Кто-то сознательно, что маловероятно, или по ошибке посягнул на Х-4. Для этого надо быть самоубийцей. Ребята из Службы подобного беспредела не прощают. Что-то будет! Но хоть Семенова и попросили «отойти в сторону», он готов был сам приложить все свои силы, чтобы выловить и уничтожить этих извергов, ТАКИМ ОБРАЗОМ убивших беззащитную женщину и ребенка.

Но через полчаса полковник получил приказ вышестоящего начальства о передаче дела, возбужденного в связи с гибелью семьи Кауровых, в Службу «Виртус», а также о прекращении дальнейшего расследования. До особого распоряжения...

Феликс находился в одном из офисов загородной резиденции Службы, когда с ним связался директор «Виртуса», генерал-лейтенант Валентинов. Они были знакомы и дружны давно, еще со времен деятельности спецподразделения Х-4, которое в свое время расформировали распоряжением новых, реформаторских властей. И Валентин, и Феликс тогда выполняли задания этого подразделения, где пути их часто пересекались. Затем, когда волна наркопреступности приняла масштаб цунами и стала реально представлять угрозу национальной безопасности государства, подразделение Х-4 реанимировали, придав статус секретной Федеральной Службы центрального подчинения. А вместе со статусом служба получила практически неограниченные полномочия и возможности в борьбе с наркомафией. А в самое последнее время – и с наиболее опасными формами терроризма.

По старой дружбе директор самой элитной и загадочной спецслужбы страны, генерал-лейтенант Валентинов, и его заместитель по оперативной работе, полковник Борисов, были на «ты».

– Феликс? Ты хотел меня видеть?

– И срочно, Валентин! Беда у нас!

– Говори!

– Люду Каурову с дочерью зверски убили!

Валентин среагировал на страшную новость довольно сдержанно. Лишь помолчал некоторое время. Потом сказал изменившимся голосом:

– Вот как, значит... Через тридцать минут буду у тебя. Подготовь полный доклад, исходя из той информации, которой владеешь!

Ровно через полчаса генерал зашел в кабинет своего заместителя.

– Докладывай, Феликс!

– Посмотри сначала на это, – полковник кивнул на папку, лежащую посередине стола.

Валентин подошел к столу, где были документы, изъятые в милиции. Закурил свой неизменный «Парламент», внимательно посмотрел на фотографии. Они явно произвели на него впечатление, хотя вида генерал старался не подавать:

– Давай выкладывай все, что мы знаем!

Феликс сообщил все известные ему подробности убийства семьи Каурова. Валентин надолго замолчал.

Молчал и Феликс. Только старинной работы напольные часы мерно стучали в углу.

– Что ты предпринял? – наконец спросил генерал.

– Семью друга Каурова, Лобанова, перевез сюда, к нам. Сейчас идет их негласная проверка, мало ли что? Ну и психологи с ними работают. Удар они перенесли очень сильный, особенно супруга Константина. Трупы доставили в наш морг. Дело у милиции изъяли. Всех, кого надо, предупредили. Дальше решил посоветоваться с тобой.

– Правильно! Где у нас сейчас Кауров?

– Вариант «Южный склон». Начал работу. Есть первые результаты.

– Ясно! – Генерал вдруг сменил тему, спросил: – Как Лобанов объясняет произошедшее? Ведь убийца, или убийцы, охотились именно за его семьей?

– Да никак. В полном недоумении. Но я еще с ним конкретно не работал. Пока семью перебрасывали, шла прочая текучка, времени плотно заняться с ним не было. Знаю только, что он бывший боевой офицер, прошел Афган, имеет орден Красной Звезды и две медали «За боевые заслуги». А до этого в Чехословакии вместе с нашим Стасом в одном полку служил. Там они и подружились.

– Как считаешь, сейчас есть смысл разговаривать с Лобановым? Или сделать паузу?

– Думаю, если говорить с ним, то именно сейчас, пока нервы «оголены», пока он под впечатлением от преступления. В таком состоянии мозг работает интенсивнее!

– Тогда, Феликс, давай его сюда!

Борисов по внутренней связи приказал:

– Прибывшего сегодня с семьей Лобанова направьте ко мне в кабинет.

Вскоре Костя зашел, поздоровался.

– Присаживайтесь, Константин Владимирович!

– Спасибо, – Лобанов сел напротив Феликса.

Разговор начал генерал:

– Меня зовут Валентин Валентинович. Вашей семье придется некоторое время провести здесь, у нас. Все удобства вам обеспечат. Тут вы в полной безопасности. Надеюсь, возражений не последует?

– Нет, конечно! Но, извините, я хотел бы знать, что за организацию вы представляете? По тому, как перед вами вела себя милиция... Скажите прямо, вы подчиняетесь ФСБ?

– Не совсем. Здесь находится резиденция секретной специальной Службы. Этого, надеюсь, достаточно?

– Вполне. Я бывший военный и понимаю, что такое секретность. Значит, НИИ, в котором работал Стас...

– Вы правы в своих предположениях. Станислав Кауров является нашим сотрудником, но об этом никто не должен знать. Даже ваша жена. И давайте-ка, уважаемый Константин Владимирович, без промедления попробуем проанализировать сложившуюся обстановку.

– Конечно. Я и сам пытался, но ничего путного, что могло бы хоть как-то объяснить этот кошмар, не нахожу.

– Феликс, пригласи психолога! – дал команду генерал.

Борисов выполнил приказание генерала, и вскоре в кабинет вошел пожилой человек академической внешности с аккуратной, совершенно седой бородкой. Смоленский Лев Борисович, член-корреспондент АМН России, являлся штатным психологом Службы.

Смоленский принес с собой небольшой саквояж и устроился за журнальным столиком, в углу кабинета, разложив перед собой листы чистой бумаги и карандаши разного цвета.

– Что ж, давайте начнем анализ все вместе, – предложил Валентин, – и в этом деле главная роль отводится вам, Константин Владимирович. Вы должны постараться вспомнить как можно больше подробностей из вашей жизни, начиная, скажем, с учебы в военном училище. Так, Лев Борисович?

Психолог согласно кивнул головой, устремив свой пронзительный взгляд на Лобанова.

Константин начал рассказ. Он не представлял особого интереса, поэтому и Валентин, и Феликс откровенно скучали, слушая историю жизни, так похожей на судьбу многих тысяч других людей. Однако Смоленский внимательно следил за каждым словом Лобанова.

Так продолжалось около часа. Анализ постепенно перешел в диалог между бывшим подполковником и психологом, который вникал в каждую мелочь.

Когда же Лобанов начал рассказ о ночном побеге братьев Комоловых, Валентин и Феликс сразу включились в беседу.

– Так, значит, брали дезертиров вы и замполит части?

– Одного, младшего. Того, что держал заложницу. Старшего взяли мои бойцы после выстрела снайпера.

– И Комолов-старший грозился убить вас?

– Не только меня, но и все мое племя, как он выразился!

– Объявил, словом, кровную месть?

– Получается, так!

– Ну тогда все, по-моему, ясно, – сказал Феликс, – отсидел свое Комолов по максимуму и взялся за «личный джихад». Вычислил семью на даче и сделал дело. Только ошибся. Жертвы оказались не те.

– Извините, но Комолова приговорили к смертной казни. По этому поводу нам доводили приказ! – вставил Лобанов. – А тогда за такие дела однозначно расстреливали!

– Феликс, дай команду проверить, был ли приведен в исполнение приговор в отношении Али Комолова.

– Минуту.

Борисов вышел дать задание информационно-аналитическому центру Службы.

Дальнейший разговор никаких важных результатов не принес.

Смоленский высказал свое мнение. Он утверждал, что подобную агрессию мог инициировать лишь случай с дезертирством. Иных сильных раздражителей, способных вызвать у кого-то неудержимое желание яростного убийства семьи Лобанова, он не видел. Но если Комолов был расстрелян, то тогда причина убийства, возможно, таится в каких-то неясных событиях, скрытых памятью Лобанова. А посему Лев Борисович предлагал подвергнуть Константина Владимировича глубокому гипнотическому воздействию, чтобы сделать попытку заглянуть в закрытые подсознательные пласты, не выраженные в обычных условиях.

Но гипноз не потребовался.

Феликс вернулся с данными центра, который сработал оперативно, впрочем, как и всегда. Али Комолов действительно не был расстрелян, а по кассационной жалобе получил пятнадцать лет лишения свободы, максимальный в то время срок заключения. Отбывал он срок, как говорится, «от звонка до звонка»: сначала в тюрьме под Ростовом, затем в лагере особого режима. Освобожден в сентябре 1998 года.

– Вот так, господа аналитики, – подвел итог Феликс, – все, как я и говорил, ясно! Пятнадцать лет Комолов лелеял мечту расправиться с разведчиком, убившим его брата. И в конце концов нанес свой удар.

– Это получается, что он искал меня более двух лет? – удивился Лобанов.

– Не забывайте, что он чеченец и кровная месть у них временных пределов не имеет. К тому же в Чечне набирает ход вторая кампания. Да и найти вас тоже была проблема немалая. Попробуйте отыскать кого-нибудь из своих бывших подчиненных! Сколько на это уйдет времени? Главное, впрочем, что он определил объект охоты и нанес удар. Другое дело, что ошибся, но это ситуацию не меняет. Комолов скоро узнает, что убил не тех, кого должен, и это обстоятельство только прибавит ему ярости. Он, как волк, будет кружить рядом, пока не исполнит священной клятвы. Если, конечно, мы ему не помешаем. Я думаю, надо пробить все данные, связанные с его заключением. Он действует не в одиночку. Кто-то помогает ему скрываться в городе. Это очевидно. Но пока, к сожалению, не нам!

– Добавлю к этому, – вступил в разговор генерал, – тебе, Феликс, необходимо запросить нашего резидента в Чечне. Имеет ли Комолов родственников, семью? Где они проживают? А нашим ребятам там дать команду взять родню Комолова под контроль.

Сообразив, что разговор затрагивает тему, которую ему знать бы не следовало, Лев Борисович Смоленский попросил разрешения удалиться.

После того как Смоленский ушел, Феликс спросил у генерала:

– Валентин, не хочешь ли ты сказать, что по отношению к Комолову следует принять вариант «Родня»?

– А почему бы и нет? В том случае, если нам не удастся выйти на его след.

Лобанов ничего не понимал, слушая разговор офицеров. Он не мог знать, что вариант «Родня» означает захват ближайших родственников преступника и при невыполнении требований Службы семья бандита, один за другим, беспощадно уничтожается. До тех пор, пока либо преступник не сложит оружия, либо из его близких уже никого не останется в живых. Служба умела вести свой собственный «джихад». Оттого, может быть, и наводила такой ужас на преступный мир.

– Оставим как крайний вариант, Валентин?

– Да. Но сначала надо сделать запрос в ГУИН. Какая нам нужна информация, ты, Феликс, знаешь. Все! Все свободны. Константин Владимирович, напоминаю, что никто не должен знать содержания нашей беседы.

– Я понял, товарищ генерал. Один вопрос. Стас скоро прибудет сюда?

– Чувствуете вину перед ним? Не стоит. Вы здесь ни при чем. Так распорядился случай, и Кауров все поймет!

– Но вы разрешите мне принять участие в поимке этого подонка Комолова?

– А без вас нам и так никак не обойтись. Ведь вы – главная цель врага!

Валентинов, оставшись один, закурил. Много в этой жизни ему пришлось пережить. Он работал в стане врагов, терял верных, преданных друзей, но, когда случилось ЭТО, его, казалось, уже окаменевшее сердце вновь заняло болью утраты. Служба должна найти убийц, как бы они ни скрывались и чего бы ни предпринимали! Они БУДУТ уничтожены!

Вошел Феликс.

– Я все сделал, Валентин, остается ждать результатов.

– Нужно еще только отозвать Каракурта!

- Я уже думал об этом. Стаса надо возвращать и запускать на «орбиту» его дублера Глеба!
- Согласен. Начинай рокировку, только предупреди Глеба, чтобы он не проговорился о произошедшем несчастье Каракурту. Свяжись со Стасом сам, придумай что-нибудь о необходимости замены.
- Тут и думать нечего. Командование считает более целесообразным использовать в операции другого агента. Приказ не обсуждается!
- Обидится Кауров.
- До обид ли ему будет, когда он вернется?
- Ты прав, Феликс. Я принял решение начать акцию против Комолова. Наказать ублюдка и тех, кто помогает ему, силами Службы. Но действия не должны носить статус официальных, сам понимаешь. Мы должны помочь Стасу в его беде!
- Это то, что я и хотел от тебя услышать, Валентин!
- Поступаем так. Ты «отправляешься» в командировку по резидентурам. Каракурт, понятно, в «отпуске по семейным обстоятельствам». Людей по необходимости можешь взять из состава моего личного резерва.
- Я понял. Самое тяжелое – это встретить Стаса. Дальше будет легче.
- Акция против Комолова на тебе, Феликс. И держи под контролем Каурова, не дай ему, что называется, «пойти в разнос».
- Понял. Завтра же отправлю Глеба и отзову Стаса. Сам его встречу, сам все сообщу.
- Не забудь оформить командировку и перебраться на конспиративную квартиру. После прибытия Каурова организуем похороны и сообщения в СМИ по поводу зверского убийства на даче, с указанием фамилий жертв. Комолов должен узнать о своем промахе. Вопросы?
- Что с Лобановым?
- Его тоже надо вводить в акцию, он же главная цель Комолова! Но в ограниченных пределах, как приманку!

Глава 2

Ростов-на-Дону.

За неделю до трагедии в дачном поселке.

Остановившись в приличном отеле, подполковник «Виртуса» Станислав Кауров, известный многим сотрудникам Службы под прозвищем Каракурт, наконец смог позволить себе полноценный отдых.

Выспавшись, приняв душ и позавтракав, Каракурт сел за стол, достал из потайного отделения специального кейса четыре фотографии и четыре листа с мелким закодированным текстом. Это было досье на четырех человек, которые фактически возглавляли транзитные поставки наркотиков в Россию по южному направлению. По заданию Центра троих из них он должен был ликвидировать. Но сделать это так, чтобы правоохранительные органы остановились на версии самоубийства, а главарь наркомафии северного картеля терялись в догадках относительно непонятной агрессии неизвестного противника. Последнее, по замыслу командования, могло привести к вмешательству «северян» в дела «юга», оставшегося без коллективного руководства. Но «южане», даже лишившись верхушки во главе с неким Саркисом, вряд ли безоговорочно подчинились бы чужакам. Это, в свою очередь, должно было вызвать между ними кровавую междоусобицу, которой и воспользовалась бы в итоге Служба «Виртус» для довершения разгрома обоих крупных группировок наркоторговцев. Такова была задача Каракурта, и с первым ее этапом он успешно справился. Справился при этом довольно легко. Для того чтобы убрать первого из четверки, Герцога, Каурову не понадобилось прибегать к каким-то хитрым ходам.

Зная, что объект обосновался недалеко от Нальчика, в заповедных местах предгорьев Эльбруса, около небольшого населенного пункта Слобода, Каракурт подготовил документы на имя высокопоставленного чиновника из администрации самого Президента. И утром воскресного дня въехал на своем джипе «Ниссан» в Слободу. Возле неременной для этих мест шашлычной он остановился и осмотрелся.

Отсюда, с небольшого открытого холма, хорошо просматривалась усадьба Герцога – Исы Удулова, официально занимавшегося поставками мяса и шерсти со своих бесчисленных отар, которые паслись ниже, в зеленой долине. Каракурт поставил «Ниссан» так, чтобы и тот был хорошо виден со стороны усадьбы. В этих местах не так часто появлялись крутые тачки, и это обстоятельство неминуемо должно было заинтересовать Удулова.

Так оно и произошло. Каракурт только успел заказать шашлык и расположиться на широким, удобном, покрытом чистой кошмой топчане, прямо под которым бурно нес свои воды быстрый ручей, как от усадьбы в сторону селения, поднимая за собой облако пыли, выехала машина. Марку сразу определить было трудно, но то, что она имела иноземное происхождение, сомнений не вызывало. И действительно, вскоре рядом с его «Ниссаном» остановился «Форд-Скорпио». Из него вышли четверо парней в одинаковых одеяниях – бежевых брюках и такого же цвета рубашках с короткими рукавами. У одного из-за пояса выглядывала рукоятка пистолета, остальные держали на виду широкие горские ножи в красивых ножнах. Стас недоумевал. Зачем Удулов послал четверых, когда он один, и это, наверное, было замечено сразу, с момента его прибытия? Хозяин усадьбы демонстрировал свою мощь? Но перед кем? Перед случайным странником, пусть даже и на крутой иномарке? Или в иномарке и было все дело?

Парни подошли вплотную к топчану. Встали в ряд, молча, бесцеремонно разглядывая нежданного посетителя их мест.

А тут и шашлычник принес продукт своего труда, и по тому, какой от мяса исходил аромат, можно было определить, что сделали его на совесть. Стас решил поесть, не обращая

внимания на людей Герцога. Но они слишком нагло, долго и внимательно рассматривали его. К тому же не говоря ни слова. Это мешало. Поэтому Каракурт все же вступил в разговор первым:

– Молодые люди! Вам что, больше нечего делать, как глядеть на меня? Разве я похож на музейный экспонат?

– Кто ты? – вопросом на вопрос ответил один из четверых, видимо, старший.

– Хрен в кожаном пальто! Разве не заметил? – Каракурт решил дерзить. Это было не очень опасно, но до определенной черты, переступить которую Стас не намеревался.

– Чего?

– Тебе и на это ответить? Что-то ты, парень, плохо соображаешь, если не знаешь ответа на свой вопрос. У тебя с головой проблемы?

– Э-э, вы послушайте, что базарит этот дурак! – обратился старший возмущенно к своим подельникам, которые тоже не могли понять, почему так самоуверенно ведет себя неизвестный в чужом для себя краю.

– Русский, наверное, не знает наших обычаев, – наклонив остриженную наголо голову, предположил высокорослый бугай метра под два ростом, – вот и гонит не по делу.

– И что должен сделать я? – спросил старший.

– Проучить его, Байрам!

– Это понятно. Но вот как? Зарезать?

– Э-э, Байрам, зачем резать? Смотри, какая у него тачка? Пусть отдаст ее! Это будет его плата за жизнь и в придачу хороший урок местным обычаям, – посоветовал горец с пистолетом.

Каракурт понял, что перепалка начинает приобретать серьезный характер. Эти ребята непредсказуемы, могут и вправду начать действовать. Тогда их в чем-либо убедить будет невозможно. Поэтому Каракурт решил начать игру. Он достал рацию ближнего радиуса действия и громко отдал команду в пустоту, так как его никто, естественно, не прикрывал:

– Внимание всем! У меня проблемы! Видите? Вот и хорошо! Всех четверых взять на прицел. Если что, мочите их свободно, они без бронежилетов, да и ценности для человечества не представляют никакой! К исполнению!

Стас отложил рацию, подозвал к себе хозяина шашлычной, боковым зрением наблюдая за парнями, оторопевшими от такого разворота событий. Они застыли, как истуканы.

Шашлычник подошел тут же. Он находился в не меньшем замешательстве, чем и четверка боевиков Герцога.

– Слушаю вас!

Каракурт достал удостоверение сотрудника аппарата Президента, на котором переливалось золотом изображение двуглавого орла:

– На, посмотри! Прочитай внимательно и скажи этим отморозкам, КТО перед ними! Если они, ослы, сами разобраться не могут!

Удостоверение спрятал обратно в карман, закурил, всем своим видом показывая, что он раздражен до предела.

Пожилой горец между тем подошел к своим соплеменникам, гневно сверкая черными глазами под огромными седыми бровями, и прошипел, как змея:

– На кого катите, безмозглые? Узнать сначала человека надо. А вы, как глупые бараны, бьетесь о ворота своими тупыми лбами!

– Ты что, Багудди?

– А то! Человек этот – «шишка», понятно? Оттуда! – он поднял вверх указательный палец. – Из самого Кремля! Человек Президента!

– Да ты что? – крайне изумленно переглянулись люди Герцога.

– Вот тебе и что!

– А почему он один? Без охраны?

– Ты не слышал, что он по рации сказал?

– По ней можно сказать все, что угодно! И «корочку» любую сделать, – продолжал упираться старший, уже, правда, смекнув, что совершил непростительную ошибку. Герцог его за это, мягко говоря, не похвалит.

– Звони, осел, Исе! Пусть поговорят между собой! А ты извинись, вместе с остальными. Или считаешь, что он не тот, за кого себя выдает? Тогда вытащи нож и пойдешь убей его! Но думаю, что вперед твоя голова разлетится на куски, как переспелый арбуз. Попробуй?

– Ладно! Советовать все мастера!

– Вот так-то. И делай, что говорят!

Шашлычник отошел от группы молодых людей, поклонившись гостю, сказал:

– Извините, они вас спутали с другим человеком, который недавно обидел сестру одного из них.

И опять обернулся к четверке:

– Ну?

– Да! Просим прощения, уважаемый! Накладка вышла! Мы действительно вели себя как последние ослы! Извините нас! Сейчас мы все исправим!

– Ладно, что с вас возьмешь? Аппетит только испортили, кретины, и шашлык остыл.

– Не беспокойтесь, уважаемый! Если хотите, Багудди сделает еще шашлык, а лучше немного подождите, я сейчас свяжусь с хозяином. Он, я уверен, будет рад принять такого гостя!

– Ты говори меньше, делай больше, – посоветовал молодому абреку Каракурту и закурил, отвернувшись в сторону долины.

Старший тем временем связался с Герцогом.

– Ну что там у вас? – тут же спросил наркобарон, который из усадьбы в бинокль следил за тем, что творилось возле шашлычной.

– Тут такое дело, босс! Этот русский на «Ниссане» «шишкой» московской оказался! Где-то рядом его охрана, он с ней по рации говорил.

– Что за «шишка»? Кто он?

– Старый Багуддин документы его смотрел. Говорил, чуть ли не из самого Кремля!

– Да? Фамилия? Должность?

– Ну откуда я знаю?

– Везите его в усадьбу! Да повежливее, не дай аллах, если обидели его чем. Тебя первого на длину головы укорочу, понял?

– Понял, босс, все понял! Конец связи!

Абрек прицепил рацию к поясу, подошел к Каракурту, расплывшись в подхалимской улыбке:

– Уважаемый! Хозяин приглашает вас к себе! Большая просьба не отказать! И еще...

– Ну чего замаялся?

– Не говорите ему о том, как мы вас сначала встретили. Хозяин грозный, не простит! Прошу, пусть он ничего не знает, а?

– Ладно. Нужны вы мне были. Те хоромы, – Каракурт указал на усадьбу, – и есть владение вашего хозяина?

– Да, уважаемый! – с некоторой гордостью ответил старший.

– Хорошо. У вас, говорят, отказывать в гостеприимстве не принято. Поедем. Только минуту.

Каракурт отвернулся от бандита, включил рацию. Дал указания несуществующим людям из своей охраны:

– Я перемещаюсь в усадьбу. Сигнал опасности прежний. Все. Будьте наготове!

Стас повернулся, пряча миниатюрную радиостанцию в карман рубашки.

– Это вы зря!

– Что зря?

– Своих людей беспокоите! Что может случиться с гостем в доме истинного горца?

– А то, что случилось бы, если на этом месте оказался не я, а кто-то другой! Ведь ощипали бы беднягу и убили. Из-за машины убили бы.

– Э-э! Зачем так говорите? Мы не бандиты. Зачем ощипали? Что человек, курица, что ли? Зачем убили? Просто поговорили бы, узнали, кто такой, откуда приехал, к кому. И все, клянусь мамой! Никого не тронули бы! Клянусь, в натуре.

– В арматуре!

– Чего?

– Ты опять заставляешь ответить прямо на свой неумный вопрос?

– Ай! Извините, привычка такая дурная. Поедьте. Мы впереди, вы за нами, пять минут – и хозяин встретит вас у парадного входа!

– Глотать пыль за вами? Нет уж, давайте вы за мной, а дорогу я сам как-нибудь найду!

– Как скажете, уважаемый! – старший что-то крикнул своим людям, и они заняли места в «Форде».

А в это время Герцог звонил шашлычнику:

– Багуддин, ты фамилию этого чиновника из Москвы случайно не запомнил?

– Как не запомнил, Иса? Корнеев Вадим Александрович.

– Спасибо тебе, старик!

– Э-э, за что спасибо, Иса? Мы же горцы. Помогать должны друг другу.

Иса Удулов прошел в кабинет, скинул халат и, оставшись в рубашке и брюках, набрал номер аппарата спутниковой связи:

– Дмитрий?

– А, Иса? Салам, друг!

– Салам потом будет. У тебя в администрации Президента связи есть?

– Не то чтобы очень, но это смотря по тому, что нужно сделать.

– «Пробить» одного чиновника.

– Фамилия, имя, отчество, должность?

– Корнеев Вадим Александрович, сейчас находится на Кавказе. Кем является в аппарате Президента – неизвестно.

– Что конкретно надо узнать?

– Существует ли такой чиновник в природе, его реальная должность, где находится сейчас, как выглядит. Идеальным было бы, если его фото ты прислал мне по факсу.

– Да, задачку ты мне, Иса, задал! Якши! Попробую, но ничего не обещаю. Это я про фотографию. В лучшем случае – словесный портрет. Но ты представляешь, Иса, сколько это будет мне стоить?

– Не грузи! Я знаю ваши драконовские расценки. Деньги получишь, как всегда, в известной тебе палатке на рынке. Сколько тебе потребуется времени на проверку?

– Не знаю. Даже предполагать не буду. Как узнаю, сообщу!

– Мне эти сведения до утра нужны! Позже можешь засунуть их себе в задницу, понял? Или кого в помощь прислать? Одному заталкивать будет не очень удобно? А?

– А ты, Иса, такой же, как всегда! Ладно, жди!

Герцог отключился и поспешил вниз, куда через открытые массивные ворота во двор въезжал джип Каракурта.

– Ассалам алейкум, гость дорогой! Позвольте узнать, кого имею честь принимать в собственном доме?

– Вадим Александрович.

– Ну а я просто Иса Удулов!

– Просто?

– Да. А что?

– Простые удуловы таких хором не имеют.

– Ай! Эта усадьба – плод больших трудов. Я в своем роде фермер, глава целого хозяйства. Развожу овец. Мясо, шерсть – и как результат все это, – Герцог обвел волосатой рукой вокруг. – А вы чем, если не секрет, занимаетесь, уважаемый Вадим Александрович?

– Ты же, Иса, все успел узнать от шашлычника, зачем спрашиваешь? – Каракурт сразу перешел на «ты», чтобы показать разницу в общественном положении между собой и местным горским «князьком».

– Значит, вы тоже своего рода фермер. Тоже овецек разводите, только их у вас по всей стране гораздо больше, чем у какого-то Исы.

– Я бы не советовал тебе так шутить! – серьезно и угрожающе проговорил Каракурт. – Люди отнюдь не овцы! Запомни это, и чтобы подобных вещей я больше не слышал!

– Конечно, конечно. Извините, Вадим Александрович за очень неудачную шутку. Мы здесь, в горах, совсем одичали. Но, честное слово, я всего лишь пошутил.

– Больше не стоит.

– Не буду. Пройдем в дом? Кушать будем, пить будем, разговаривать, если захотите, будем. Все для вас, что ни пожелаете!

– Все ли, Иса?

– Клянусь памятью матери, Вадим Александрович!

– С чего такая безграничная щедрость?

– Какая щедрость? Кавказское гостеприимство, не более того!

– Да? Ну-ну! И всех проходящих мимо ты так встречаешь?

– Нет, конечно! Каждому, как я где-то слышал, свое!

– «Каждому – свое». Фашистский лозунг.

– Ай, не знал! Вот что все-таки значит то, что живем в отрыве от остального мира. Таких простых вещей не знаем. Извините, Вадим Александрович!

– Да полно тебе, Иса, извиняться! А насчет дома? Может, лучше где-нибудь в тенечке под деревом обоснуемся? Дома поди жарко?

– Зачем жарко? В каждой комнате кондиционер.

– Ну что же, убедил! Веди в свой терем!

Они прошли в главную комнату мужской половины дома. Здесь находился огромный, ручной работы персидский ковер, украшали помещение также атласные подушки, разбросанные по кругу, массивный телевизор «Panasonic», видеоманитфон и музыкальный центр. Напротив окон, выходящих во двор, стоял большой платяной шкаф, тоже ручной работы, с тонкой резьбой. На деревянном потолке висела хрустальная, как в театре, люстра. Сбоку виднелся двустворчатый оружейный сейф, вделанный в стену.

Перед тем как сбросить туфли и пройти в дом, женщина, закутанная в черное одеяние, принесла кунган – кувшин с теплой водой и тазик для омовения рук. Выполнив все положенные по восточному церемониалу процедуры, Каракурт вошел в комнату. Внимательно осмотрел ее. Богато! Ничего не скажешь. Просто, но богато. Видно, наркоделец Герцог, один из четырех лидеров южной преступной группировки, получал неплохие барыши.

Хозяин дома предложил прилечь на подушки.

Женщина в черном, поддерживая уголками рта платок, который оставлял открытыми лишь ее глаза, такие же черные, как и все ее одеяние, бесшумно вошла в зал. Она постелила перед мужчинами клеенку, поставила на нее чайник с ароматным чаем, две пиалы и хрустальную сахарницу, заполненную сладкими конфетами.

Герцог собственноручно разлил чай.

– Пейте этот напиток богов. В нем большая сила.

– Я слышал другую поговорку, – усмехнулся Стас.

– Чай попил, совсем ослаб? Угадал?

– Угадал.

– Так могут утверждать только те, кто не разбирается в настоящем чае!

– Не спорю. А хорошо здесь у тебя, Иса.

– Для хозяина нет ничего приятнее, чем похвала его жилища.

– Хорошо, – повторил Каракурт, – и кондиционеров совсем не слышно. Покой. Никаких забот. Вот и я хочу в этих местах подыскать себе место для строительства дома.

– Вам ли заботиться об этом? Укажите местной власти на любой участок, и он ваш! Да и дом за смехотворную цену поднимут. Вы не мы, которым приходилось все своим трудом по камешкам собирать. А власть есть власть, если, конечно, умело ей пользоваться, – Герцог внимательно следил за реакцией собеседника.

Но Стас невозмутимо выпил чай, перевернул пиалу дном вверх.

– Спасибо за угощение.

– Ай, за что спасибо? Сейчас во дворе барана режут. Свежее, парное мясо готовить будут. Отдыхайте пока! Трапеза еще впереди!

В зал просунулась бритая голова мужчины, он что-то проговорил на местном наречии, но Каракурт понял, что хозяина вызывают на улицу. Значит, его успели проверить! Интересно, а Феликс смог вычислить «крота», работающего на наркоторговца? За ответ из Москвы Каракурт не беспокоился. Там были подготовлены к любым проверкам по любому ведомству, документами которого имел шансы воспользоваться агент стратегического внедрения Службы. Феликс знал план Каракурта и должен был «заблокировать» аппарат администрации Президента. Так что «язык» стукачу, который пока еще безнаказанно общается с Герцогом из Москвы, подрежут, как только тот сольет бандиту «дезу». Через считанные минуты. По крайней мере так должно было произойти!

А Герцога действительно вызвали потому, что его запрашивала Москва. Он взял трубку:

– Иса? Это Дмитрий!

– Что скажешь?

– Все о'кей, босс!

– Так быстро?

– Повезло! Но я не буду нагружать тебя своими делами. Ты слушай, что касается твоего гостя. Судя по полученной информации, вполне достоверной, у тебя дома именно тот человек, кем он и представился. Корнеев Вадим Александрович. Он действительно служит в администрации Президента. Даже скажу больше: он ходит у главы этой самой администрации в помощниках. Так что человек на самом деле крупный, с обширными связями. Сейчас он находится в отпуске и два дня назад в сопровождении охраны отправился куда-то на юг. Куда точно, мой человек, к сожалению, не знает. Теперь слушай его описание. Фотографию, извини, достать не удалось, не хватило времени.

Осведомитель Герцога в деталях нарисовал словесный портрет чиновника Корнеева, под именем которого фигурировал подполковник секретной Службы Станислав Кауров.

– Спасибо, Дима. Тот! Без сомнения, тот! Возьми себе, кроме обычного гонорара, еще штуку. Селиму я потом позвоню. Сейчас некогда, сам понимаешь.

– Понимаю. Рад был быть тебе полезен. Если что, звони. Всегда рад помочь, Иса!

Удовлетворенный полученной информацией, повеселевший Герцог возвратился к высокопоставленному гостю.

В Москве же в это время происходило задержание «крота». Как только Дмитрий Осипенко отключил спутниковую связь, в помещение его небольшого офиса, расположенного в одном из проездов на Большой Никитской, вошли двое сотрудников Службы.

Бесцеремонно вытащив Осипенко из-за стола, они стремительно проволокли его по безлюдному коридору и у самого входа втокнули на заднее сиденье черной «Ауди». Оставив осведомителя Герцога под охраной водителя, сотрудники вернулись в помещение, где работал

Осипенко, изъяли все приборы, обеспечивающие спутниковую связь, вернулись к машине и выехали со двора.

Через час с небольшим Дмитрий Осипенко в одном из кабинетов «Виртуса» дрожащей рукой подписывал соглашение о добровольной работе на секретную Службу. «Крот» был отловлен!

А довольный Герцог угощал своего «высокого гостя». В зал внесли казан хорошо прожаренного свежего мяса, щедро посыпанного различной зеленью. Иса обратился к Каракурту:

– Извините, что на минуту оставил вас. Дела! Хозяйство большое и требует постоянного личного участия.

– Ничего, – ответил Стас, – я понимаю!

– Может, к мясу водочки? – предложил Герцог.

– Водочка – это хорошо, да еще при такой закуске, но я слышал, что мусульманам запрещено употреблять спиртные напитки? Разве я ошибаюсь?

– Э-э! Этому запрету сейчас следуют только старики, да простит меня аллах!

– Я не против выпить, – согласился Каракурт, – но вот водку как-то не уважаю. Странно, да? Коньяк предпочитаю. Это моя слабость, признаюсь. У меня, кстати, с собой и бутылочка припасена. Настоящего, армянского!

– Неужели вы могли подумать, что у Исы нет коньяка?

– Коньяк коньяку рознь. Для меня из Армении, по случаю, из специального хранилища прислали несколько бутылок особой выдержки. Так что, Иса, не побрезгуй!

– Да разве я посмею отказать такому гостю. Как можно?

– Тогда прикажи своим людям принести мне кейс из машины, он на заднем сиденье. Вот ключи, сигнализацию я отключу!

– Вы, находясь у меня дома, включили на машине сигнализацию?

– Это не потому, что я тебе не доверяю, Иса. Таковы инструкции. Машина-то служебная. А если она рванет, не включи я эту сигнализацию?

– Конечно. Я мало что понимаю в таких делах! Рахим! – громко позвал он помощника.

Горец явился мгновенно, будто все время стоял под дверью. Впрочем, так оно и было на самом деле. Ему передали приказание, и через пару минут на клеенке стояла черная, непрозрачная, неправильной формы бутылка без этикетки, горлышко которой было залито сургучом.

– Открой, – приказал Герцог своему подчиненному.

Как только пробку вынули, по комнате разлился непередаваемый аромат настоящего выдержанного коньяка.

– Да! – согласился Герцог. – Признаю, такой запах я чувствую впервые.

Они выпили.

Герцог наконец решился спросить:

– А вы, уважаемый, Вадим Александрович, для себя лично дом собираетесь строить?

– Ну не для всей же администрации.

Герцог рассмеялся:

– Конечно. Конечно, я понял!

Каракурт продолжал:

– Власть, Иса, как приходит, так и уходит, но неизменным остается положение в обществе, связи. Кто-то был обязан тебе, кому-то ты! А в итоге все друг в друге заинтересованы. Можно неслабые, а главное – чистые дела делать! Получая при этом гораздо больше, чем от различного рода теневых сделок.

Коньяк, казалось, развязал язык высокопоставленному чиновнику. Его поддержал Герцог:

– Тогда вам лучшего места, чем рядом со мной, не найти!

– Но это же твоя земля, Иса?

– Договоримся, Вадим Александрович. Мне кажется, что вы тот человек, с которым можно договориться.

– Вот в этом, Иса, ты прав. Но достаточно. Давай завязывать. Утром мне надо уехать, конкретно о сделке с недвижимостью поговорим позже, когда я еще раз навещу тебя и проведу здесь подольше. Тогда мы МНОГОЕ обсудим! Дня через три я позвоню, тогда и назначим встречу. Посмотри, не мешает ли кто тебе здесь жить и заниматься делами? Если что, только скажи! Решим вопрос тут же, на любом уровне! Ну а будем соседями... Думаю, даже продолжать не стоит, развернемся вовсю! Где мне прилечь?

– Продолжать, пожалуй, и правда не стоит. А ложе вам приготовлено в соседней комнате. Надеюсь, вам понравится! Девочек прислать? Каких предпочитаете, Вадим Александрович?

– Нет! На сегодня ничего не надо! Только сон!

– Как пожелаете. Пройдемте.

Герцог проводил Каракурта в соседнюю комнату, где в углу, под кондиционером, на полу, располагалось действительно шикарное ложе.

Иса ушел. Стас разделся, мимоходом осмотрел верхние углы: нет ли скрытых камер слежения. Ничего не обнаружил. Но чем черт не шутит! Поэтому лег, отвернувшись к стене, и достал из трусов шприц-тюбик, прикрепленный к паху липкой лентой. Ввел содержимое шприца в мышцу. Это было противоядие против препарата, содержащегося в коньяке. Яд особого состава, приготовленный в лабораториях Службы, ровно через три дня должен был отправить на тот свет Герцога – первого из трех наркобаронов, подлежащих уничтожению.

И ни одна экспертиза при вскрытии не сможет найти следы препарата, ставшего причиной смерти одного из главарей южной наркомафии. Ничего не даст и изучение остатков спиртного в бутылке. Секретное оружие Службы «Виртус» действовало безотказно. Сердечный приступ. Банальная вещь...

* * *

Стас вложил фото Герцога в досье, смял документы и положил их в пепельницу. Прикуривая, поджег бумаги. Курил, задумчиво глядя, как огонь пожирает досье с фотографией авторитетного лидера преступной группировки. Пепел вместе с окурком смыл в унитазе. Вновь сел за стол. Теперь перед ним было два других досье и две фотографии самодовольных лощеных типов, которые, как и Герцог, выбрали путь построения своего благополучия на чужих жизнях. Следовательно, добровольно выбравших себе и наказание, собственноручно подписав смертный приговор. Приговор, не подлежащий обжалованию ни в какой инстанции!

Кто следующий? Султан? Якуб?

Кауров начал читать досье. По очереди, откладывая их в сторону. Затем взял одну фотографию, перевернул ее, отложив в сторону. Перед ним осталось третье фото. Снимок Султана – Наиля Ибрагимова. Согласно досье, его постоянное место обитания находилось совсем рядом, недалеко от Аксая, пригорода Ростова. Поэтому логично будет, что жертвой станет Султан! Он удачно совмещал наркоторговлю с бизнесом, являясь хозяином одного из престижных пансионатов на берегу Дона. Там, в отдельном коттедже, он в основном и жил. Но Султан, несмотря на многочисленные интимные связи с сотрудницами и отдыхающими одинокими леди пансионата, питал нежные чувства к одной из актрис местного театра. Султан был в нее влюблен и находился, что называется, «под каблуком». И это было отмечено в досье. Там же сообщалось, что он регулярно встречается с ней на ее территории. Вот эту связь и следовало принять как основной вариант дальнейшего и по возможности скорого устранения наркодельца.

Этим же вечером он выехал к театру. По описанию из того же досье он смог определить патию Султана.

Стоя на обочине дороги, недалеко от служебного выхода из театра, Каракурт, настроив прибор дистанционного прослушивания, внимательно отслеживал, о чем говорили актеры и обслуживающий персонал, покидающие здание после вечернего представления. Не забывал Кауров при этом и рассматривать лица выходящих женщин.

Сначала он узнал ее в лицо. Она вышла в модном и дорогом костюме. Красивая, с виду хрупкая, даже какая-то невесомая. Закурила, глядя по сторонам. Время приближалось к десяти. Стало ясно, что актриса кого-то ждет. Она беспрерывно курила, прохаживаясь по тротуару. Не привыкла ждать, нервничает! Капризная, видно, «куколка». Посмотрела на часы. Может, Каракурту рискнуть? Подъехать на своей машине? Вдруг сядет в его «Ниссан»? Но тут откуда-то из-за поворота вынырнула желтая «Волга» с «чашечками» на крыше. Такси! Женщина махнула рукой. Такси остановилось. А через минуту Каракурт уже сидел на «хвосте» «Волги». Было бы большой удачей, если бы она отправилась домой, а не в какой-нибудь кабак. Ее адреса, как ни странно, в досье не было. Может, Служба, в отличие от него, не придала этой фигуре особого значения?

Такси остановилось в спальном районе, у сталинской постройки красивого жилого дома. Актриса вышла из машины, направилась к массивному входу в подъезд. Но войти не успела. Рядом с ней вдруг резко затормозил «шестисотый» «Мерседес», из которого с корзиной цветов в руках выпрыгнул молодой человек в смокинге. Он окликнул женщину:

– Анна Андреевна!

Актриса оглянулась у самой двери.

– Анна Андреевна! Подождите!

Парень приблизился к ней, поставил к ногам корзину роз, сложил, словно каясь, руки на груди.

Каракурт слушал разговор.

– Анна Андреевна, ради бога, извините! Я так торопился и все же опоздал! На каких-то несколько минут! Простите!

– Где Наиль?

– У Наиля Ренатовича срочные дела, уважаемая Анна Андреевна! Он...

– Дела? И это в день моей премьеры?

– Но...

– Я ничего не хочу слушать!

– Но вы губите меня!

– Ты-то здесь при чем?

– Хозяин приказал встретить вас, но я опоздал. Он просил объяснить вам ситуацию, а вы не хотите меня слушать. Он обязал меня договориться о вашей следующей встрече с ним, но вы, судя по всему, даже обсуждать это не желаете. Так что мне конец! Вы его знаете! Пожалейте, Анна Андреевна, хоть цветы возьмите, чтобы потом положить их мне на могилу.

– Ну хорошо! – согласилась женщина, капризно поджав губы. – Послезавтра моя труппа отправляется на гастроли в Москву. Так что завтра у Наиля есть шанс вымолить у меня прощение. На коленях вымолить! Так и передай ему. Я буду ждать возле театра, как обычно, в десять вечера. И ни секундой дольше! Все!

Она нажала кнопку домофона, назвала себя и скрылась в подъезде.

Парень, после того как актриса ушла, повернулся к машине, смачно сплюнул на тротуар.

– Сучка блудливая, шалава! Удавил бы, – с этими словами он сел в «Мерседес», который резко ушел за поворот.

Каракурт сначала собирался двинуться следом за актрисой, но отбросил эту мысль. Ему важнее было узнать, в какую квартиру войдет эта «принцесса на горошине». Окна в подъезде широкие, арочные, чистые. Шахта лифта располагалась посередине подъезда, и Стас увидел, как кабина поднялась на третий этаж. Актриса открыла квартиру № 5. Каракурт навел на окна

квартиры микрофон «прослушки», но ничего не уловил, кроме звука движений, а затем шума душа.

Так! Значит, завтра около полуночи Султан со своей любовницей будут здесь. В квартире и следует взять его «за жабры». Остается открытым вопрос, как попасть туда до прибытия любовников. Телохранители наверняка останутся снаружи. Плюс охрана подъезда и домофон. Следовательно, подъезд для Каракурта блокирован и использован им быть не может. Дом, кроме того, охранялся и с «черного» входа.

Каракурт вышел из машины, посмотрел на здание. Подняться по стене почти нереально. Используя специальное снаряжение, имеющееся в арсенале Стаса, конечно, можно сделать попытку, но видеокамеры, которые располагались по углам здания и контролировали подход к дому, практически исключали вероятность успеха! Стас оглянулся. Сзади – простой пятиэтажный дом. Сев в машину, он проехал по переулку, остановился перед подъездами. Пятиэтажку от нужного элитного дома отделял неширокий проезд. Вдоль тротуара – высокие тополя. Квартира актрисы угловая, напротив «хрущевки» три ее окна и балкон. Каракурт принял решение...

На следующий день в десять вечера, оставив «Ниссан» за два квартала до объекта, Кауров находился на крыше пятиэтажного дома. Он достал из объемного ранца нечто похожее на гранатомет особой конструкции, уменьшенный почти в два раза, и коробку, в которой находилась пара дисков прочной проволоки. Вставил диск в трубу, сверху прикрепив оптический прицел. Посмотрел сквозь него на балконную дверь квартиры актрисы. Легкое колыхание штор показывало, что либо сама дверь, либо форточное окно открыты. Это хорошо! Каракурт прицелился выше окна, под плиту балкона четвертого этажа. Выстрелил... Стрела, разматывая проволоку, вонзилась точно в место прицела. Затем Стас нажал на второй спусковой крючок. И точно такая же стрела попала в бетонную стенку коробки входа на крышу, тем самым проложив проволочную связь между пятиэтажкой и элитным домом. Трос автоматически натянулся в трубе до нужного весового предела и зафиксировался. Каракурт снял прицел. Посмотрел вниз, на противоположное здание. Все тихо. Никто ничего не заметил. Трос вытянулся как раз поверх крон деревьев.

Стас переоделся в эластичный, обтягивающий черный комбинезон, напоминающий костюм аквалангиста. Надел на плечи ранец. Подошел к краю пологой крыши. Подцепил к тросу подъемник, повис на его ручках, пальцем включив тормоз. Постепенно отпуская тормоз, он достаточно быстро спустился на балкон квартиры. Дверь оказалась открытой, и Каракурт, слегка приоткрыв ее, проскользнул внутрь. Прошел в туалет, где включил свет, невидимый с улицы. Потом достал из ранца баллончик с усыпляющим газом, респиратор и два шприца, заполненных коричневой жидкостью, которые положил в разные отсеки комбинезона. Навернул на пистолет глушитель, сняв его с предохранителя, закрепил в кобуре на боку. Прошелся по квартире, постепенно привыкая к темноте. Нашел место в комнате, где мог затаиться до момента появления любовной парочки, – в самом углу, около напольной вазы с пальмой. Актриса, видимо, нанимала прислугу, так как и в этом закрытом углу не было даже намека на пыль. И вообще все в квартире, насколько мог рассмотреть Каракурт, блистало чистотой. Аккуратна Анна Андреевна, ничего не скажешь. Непонятно, почему связалась с этим жирным ублюдком Султаном...

Хотя понятно! Деньги. Как это все противно! Подчинять себя власти денег. Противно и глупо!

Каракурт устроился поудобнее, но так, чтобы можно было мгновенно покинуть свое убежище. Стрелки часов медленно, но неуклонно приближали время роковой встречи.

Лишь бы Султан не удержал свою подругу в кабаке, а потом не потащил наверх в номера! Но это вряд ли. Анна Андреевна, хоть и шлюха, говоря простым языком, но не променяет отель на свою шикарную квартиру. Тем более что утром ей следовало убыть на гастроли. Нет! Сюда они явятся обязательно, вот только сколько еще осталось ждать?

Однако прошло всего несколько минут, как раздался звук открываемой двери и какой-то шум в прихожей.

Стас достал пистолет, весь подобрался, но вскоре успокоился. Он услышал негромкий голос:

– Столик накрыть в зале, свечи поставить на рояль. Цветы на тумбу и по углам, возле кресел и вдоль «стенки». Шампанское в лед, коньяк в холодильник, туда же и закуску.

Каракурт понял, что это выполняется заказ на ужин, видимо, сделанный Султаном.

Когда все приготовления были закончены, люди покинули квартиру, даже не выключив свет в зале. Стас посмотрел на часы. Начало двенадцатого. Скоро должны появиться долгожданные гости. Вернее, хозяйка этого роскошного дома со своим «благодетелем». Каракурт выглянул из угла и тихо присвистнул. От обилия цветов рябило в глазах. Любила их, наверное, актриса! Но это у нее профессиональное! На столе – шампанское в ведерке со льдом. Можно поступить, как в случае с Герцогом, и положить яд в бутылку. Но кто знает, что будет пить женщина? Убивать ее не входило в планы Каракурта. Значит, оставался первоначально принятый вариант ликвидации. От укрытия до кресел не более трех метров. Преодолеть их надо так, чтобы Султан не успел подать охране сигнал опасности. Ну а остальное дело техники.

Без десяти двенадцать. Дверь с шумом открылась.

– Ну, Наиль! Не торопись! Не приставай, как самец, а то откажу во всем! – слышался пьяный и капризный голос актрисы.

– Покоряюсь тебе, любовь моя! Эй, охрана! Тащи в спальню цветы примадонны.

Кто-то прошел через зал в смежную с ним спальную комнату.

– Положил? Тогда пошли вон! Ждите в подъезде! И смотрите у меня! – приказывал тоже изрядно пьяный Султан. – Анна? Аннушка, любовь моя, ты где?

Топот этого жирного пьяного бегемота сотрясал паркет, так что звенела посуда в «стенке». Он бегал по комнатам, потеряв свою пассивность.

– Успокойся, Наиль! Я в ванной!

– Да? Но я тоже хочу туда!

– Но, Наиль!

– Анна! Открой. Что ты, в самом деле? Мне же тоже надо душ принять!

Вскоре плеск воды и вскрики женщины, сопровождаемые каким-то звучным мычанием, донеслись из ванной, где находилась отдельная душевая кабина. Дверь в саму ванную, наверное, Султан оставил открытой, поэтому и была слышна возня двух пьяных любовников.

«Никак сексом там занялись», – подумал Стас. А время шло! Может, все же «загасить» их вместе? Прямо в душевой? Нет. Каракурт отбросил последние сомнения. Надо ждать. Минут через десять раздался громкий смех женщины, он приближался:

– А ты стареешь, Наиль! Пора тебя менять! Это же надо! Перед ним лучшая фигура города, а у него инструмент вдруг сломался!

– Перестань, Анна, издеваться! Ты бы еще в прорубь меня опустила! У кого под ледяной струей встанет?

Было слышно, как они сели в кресла. Анна продолжала смеяться. Султан же, судя по всему, обиделся:

– Говорю, хватит, Анна!

– Ну ладно, ладно, импотент ты мой. Открой шампанское, выпьем, и я помогу тебе в ремонте твоего достоинства.

Послышалось сопение толстяка. Бутылка, хлопнув, открылась. Затем раздался звук наливаемого в фужер вина.

– Пей эту гадость! Я по коньячку вдарю.

В этот момент перед столом, словно джинн из бутылки, вдруг появился неизвестный в маске, с респиратором. И пустил в лица любовников струю газа. Через считанные секунды головы актрисы и наркоторговца склонились друг к другу.

Каракурт прошел к свечам, зажег их, погасил везде свет. Включил музыкальный центр. Вытащил из карманов шприцы, в которых был героин, причем в одном доза покруче. Из досье на Султана Стас знал, что наркоторговец сам сидит на игле. Случай довольно редкий у наркоманов. А вот употребляла ли актриса наркотик, требовалось выяснить сейчас. И Каракурт нашел дорожку от инъекций на ступнях ее ног. Понятно! Актриса тоже наркоманка, но играя в театре, должна держать руки открытыми, а вот на ногах это незаметно. Каракурт положил шприцы на стол, прошел в спальню, сбросил с широкой кровати на пол красивое голубое покрывало, так бывает, когда ложится пьяный или одурманенный человек. Затем сделал укол женщине туда, куда она обычно это делала. Вложил ей в ладонь шприц, который тут же выпал, но уже с отпечатками ее пальчиков. Перенес тело Анны Андреевны на кровать, уложил ее, раскинув руки и наполовину прикрыв одеялом. Вернулся к Султану.

Из того же досье Каракурт знал, что Султан – левша, значит, должен колоться в правую часть тела. Но руки оказались чистыми. Куда же он вводил наркотик? Следы от уколов тоже нашлись на ступне. На правой ступне! Введя героин Султану, Стас прижал шприц к левой ладони наркодельца. Закончив с этим, Каракурт прошел в спальню, которая выходила окнами на противоположную от балкона сторону дома. Открыл створки – ветер заиграл занавесками. Так, господин наркоторговец, дорога открыта, осталось включить «зеленый свет».

Он вернулся к Султану, встал сзади кресла. Посмотрел на часы. Действие газа заканчивалось. Наркоторговец открыл мутные глаза, зашевелился, что-то промычал. Султан явно ничего не соображал. Теперь Стасу надо было осторожно, не оставляя синяков и ссадин, перетащить тело Султана к окну. Каракурт приподнял его, шепча на ухо:

– Вставай, дорогой, ну же? Тебя же твоя Аня ждет!

– Анна, – еле сумел выговорить Султан.

– Да, – продолжал шептать Каракурт, – пойдём. Попытайся встать.

Стас снял с дивана плед, подсунул его под руки, резко поднял тяжелого Султана. Тот, как ни странно, устоял, хоть и сильно качаясь.

– Идём, дорогой!

– Кто ты? – вдруг спросил наркоторговец. Видимо, он начал немного приходить в себя.

Надо сбить его мысль, ввести в «непонятку»:

– Я – твой кайф!

– Да?

– Да! Идём!

– Куда?

– К Анне!

– К Анне? Она здесь?

– Да. И ждет тебя!

– Пошли!

Путаясь ногами, при поддержке Каракурта, Султан прошел в спальню. Стас подвел его к окну:

– Чувствуешь, Наиль, какой воздух?

– Нет!

– Так почувствуй!

Каракурт посадил Султана на подоконник, перекинул ноги на улицу и толкнул жертву вниз, прямо на железные штыри чугунной ограды. Ни крика, ни вопля. Только какой-то приглушенный хрип.

Все! Пора уходить!

Осмотрев комнату, Каракурт вышел на балкон. И тут услышал слабый голос женщины: – Наиль!

Следует поторопиться, актриса приходит в чувство. Он схватился за трос, нажал кнопку экстренного подъема и взметнулся по проволоке вверх, на крышу пятиэтажки.

Приземлившись, тут же снял трос, отстрелил из пистолета конец стрелы на коробке входа на крышу. Вставил специальный патрон в трубу транспортера, нажал на спусковой крючок. Заряд пошел по проволоке. Достигнув цели, он срезал стрелу на балконе. Проволока могла упасть, но транспортер имел устройство быстрого сматывания. Закрепив трубу за центральную телеантенну, Каракурт включил его на максимальные обороты, отскочив в сторону, чтобы не получить увечья от извивающейся змеей проволоки. Трос был снят! Стас навел прицел и микрофон прослушивающего устройства на балкон. В темноте он не увидел ничего, но вот услышал многое: визг Анны Андреевны и звуки ударов по двери, в которую ломились телохранители Султана. Актриса очухалась вовремя! Наверное, удивится тому, что ее возлюбленный выбросился из окна. А ей с утра на гастроли. Судя по всему, ее профессиональная деятельность закончилась.

Что происходило за домом, Каракурт разглядеть не мог, но заметил, что из подъезда бегом выскочили охранники, а через мгновение появилась реанимационная машина «Скорой помощи». Дело сделано. Скоро должна появиться и милиция.

Каракурт собрал все свои приспособления, уложил их в ранец, переоделся. Спустился на улицу, таща за собой ранец на колесиках, как обычную дорожную сумку. Добрался до «Ниссана», уложил багаж, подъехал к месту, куда упал Султан. Следовало окончательно убедиться, что этот мерзавец мертв.

Дорогу перекрыли, но он остановился метрах в ста от решетки ограды. С ее острых штырей как раз снимали то, что еще совсем недавно именовалось Наилем Ринатовичем Ибрагимовым...

Каракурт отъехал от элитного дома, заметив в зеркало заднего вида, как сотрудники милиции выводят из подъезда Анну Андреевну. Она рыдала, но никто не обращал на это никакого внимания. Каракурт проехал дальше к скверу, остановился. Закурил. Наконец-то можно спокойно покурить! Бросив окурочок на тротуар, посмотрел на часы. Второй час ночи.

Стас отогнал «Ниссан» на стоянку у стадиона, который находился в другом конце города. Оплатил на сутки вперед. Установил сигнализацию на свой сотовый телефон и включил взрывное устройство самоликвидации содержимого багажника. Это на случай, если кому-то придет в голову забраться в машину. В отель Каракурт вернулся на такси. Поднялся в номер, принял душ, лег в постель и тут же крепко, без сновидений уснул.

Наутро, приведя себя в порядок, Каракурт достал из кейса пакет с фотографиями и кодированными досье. Запросил из номера утреннюю прессу. В одной из газет нашел сообщение о том, что прошедшей ночью на квартире своей знакомой актрисы покончил жизнь самоубийством хозяин пансиона «Левый берег» Наиль Ренатович Ибрагимов.

Каракурт положил в пепельницу фото и досье на Султана и сжег их. Потом смыл пепел в унитазе. Вернулся к столу. На нем лежала фотография преступного авторитета Якуба. Тут же находилось досье на наркоторговца.

Каракурт составил донесение в Службу о проделанной работе по ликвидации Герцога и Султана и потом отправил его по аппарату спутниковой, закодированной, импульсной связи, установленному в одной трубке с его сотовым телефоном.

Теперь надо было дожидаться ответа из Москвы. Так планировалось при подготовке операции. После устранения двух руководителей наркомафии требовался небольшой перерыв.

Руководство «Виртуса» через агентов стратегического внедрения должно было получить сообщение о реакции на убийства в стане «северян». Только после оценки изменившейся

обстановки Валентинов с Феликсом примут решение, стоит ли продолжать акцию в прежнем варианте или нужно срочно менять характер деятельности Каракурта.

Ответ пришел через несколько дней:

«Сообщение о выполненной работе получено и одобрено. Выдержать паузу в четыре дня. Ждать очередной выход на связь для уточнения плана «Южный склон». Феликс».

И очередной сеанс связи состоялся. Ровно через четыре дня. В определенное ранее время. И поступившее сообщение было для Каракурта необъяснимо, непонятно, в какой-то мере даже обидно.

Каурову предписывалось встретить в аэропорту своего дублера, Глеба, ввести его в курс дела, передать снаряжение и технику, а самому первым рейсом возвратиться в Москву. Такое в службе Каурова случалось впервые. Чтобы основного агента заменить на дублера в самый разгар операции? Для этого требовались веские основания! А их-то Каракурт как раз и не находил. Задания он выполнял абсолютно точно и по графику. Нигде не засветился, ошибки не допустил. А может, все-таки где-то ошибся? Непонятно. Или его планируют перебросить на другой участок? Но это ранее не практиковалось. Черт его знает, что там пришло в голову генералу или Феликсу! Оставалось надеяться, что Глеб прояснит обстановку.

Стас позвонил в справочную аэропорта, узнал, что нужный рейс прибывает через два часа, и поехал встречать сменщика.

Но и Глеб ничего не объяснил Каракурту:

– Решение о замене я получил неожиданно. Вызвал генерал и приказал прибыть сюда, принять у тебя дела и продолжить акцию. Он сказал, что все подробности узнаю от тебя. Просил сообщить дату и номер рейса, которым ты вылетишь в Москву. Настаивал, чтобы ты как можно быстрее вернулся. Это все, что я могу тебе сообщить!

В отеле Каракурт коротко рассказал Глебу об устранении Герцога и Султана.

– Следующий на очереди – Якуб! Он обитает в том же горном районе, где и главная фигура в руководстве «южан», некий Саркис. Его, как ты знаешь, приказано пока не трогать... Взгляни на эту схему!

Каракурт расстелил подробную карту района.

– Здесь, – он указал крестиком, – резиденция Саркиса. Она находится под крутым склоном северного хребта, у закрытой для движения транспорта широкой тропы, называемой среди местных «дорогой смерти». По моему плану, Якуба придется «перехватить» во время его очередного визита к главарю банды. Обычно они встречаются редко, но сейчас ведь произошли два весьма странных с их точки зрения события. Умерли сразу двое наркобаронов! Есть повод подробно побеседовать.

– Почему ты рассматриваешь только вариант перехвата? И каким образом я один смогу это сделать?

– Подожди, все по порядку! Ответ на первый вопрос ты видишь на карте. Западный перевал нашел?

– Да! За ним ущелье. И что?

– Правильно, ущелье, которое упирается еще в один перевал. По сути, это не ущелье, а глухой каньон. Еще дальше третий перевал. Далее обширный лесной массив, уходящий далеко на восток. Так вот, именно там нашел себе прибежище Якуб вместе со своим младшим братом по прозвищу Малыш. Они выстроили в этом месте настоящую крепость, надежно прикрывшись от нападения отвесными скалами. Усадьбу охраняет отряд наемников. С вершины любого перевала достать Якуба невозможно. Это я говорю на случай, если ты надумаешь подстрелить его. Бесполезно! Ни из какой винтовки не попадешь. Даже из твоей СВД.

– Извини, Стас, а как он сам выбирается из своего каменного мешка?

– Я же сказал, все по порядку, Глеб! Мы подходим к главному вопросу. Из каньона есть дорога. Вернее, горный серпантин. Но он тщательно охраняется, и бандиты им не пользуются,

дорога держится в резерве, для экстренной эвакуации из резиденции. В случае прорыва в каньон сил противника тропа может быть перекрыта обвалом в считанные секунды в самом узком месте. Так что один ты Якуба действительно не завалишь! Ликвидировать его можно только тем способом, который нам подсказывает сам бандит. Он ведь иногда перемещается...

– «Вертушка»?

– Да! И акцию нужно выдать за несчастный случай. Мало, что ли, «МИ-8» в последнее время попадают в аварии? А тут горы, плохая видимость, сложные условия полета... Почему вертолет Якуба не может постигнуть схожая участь?

– Я понял тебя, Стас.

– Срочно вызывай пару ребят из группы «Свод». Двоих вполне хватит. Расставишь зенитчиков там, где «вертушка» должна спускаться. Пусть они ее поджидают в двух местах: и снизу, и со скалы. Где, определишь сам. Когда вертолет уйдет за перевал, давай команду сбить его! Но учти, что это мой план, мой расклад. Когда проведешь рекогносцировку местности – примешь окончательное решение. Ну вот и все! Успехов!

Вечером, отправив сообщение о возвращении, подполковник Станислав Кауров вылетел в столицу.

Глава 3

Феликс встречал Каракурта у самого трапа. Рядом стояла служебная «Ауди».

После обоюдных приветствий Феликс предложил Станиславу прогуляться тут же, у самолета, по летному полю.

– Феликс, что произошло? Почему меня сняли с акции? Я сделал что-то не так?

– Нет, Стас! Работа твоя высоко оценена, дело здесь совсем в другом. Наберись мужества! Я знаю, что ты человек сильный и должен воспринять то, что я тебе скажу, достойно.

– Да что за дела, Феликс? Что ты кружишь вокруг да около?

– ...У тебя погибла семья, Стас!

– Что?.. Погибла?.. Люда... и Даша?.. Стой, стой, Феликс. Ты о чем? О чем ты говоришь? Они же... Нет! Этого не может быть! Понимаешь? НЕ МОЖЕТ! Зачем ты так говоришь, Феликс?

– Стас! Приди в себя! Будь мужчиной, Стас!

– Погибла семья... – смотря на друга непонимающим взглядом, повторил Каракурт.

– К сожалению, Стас, это так! И мне очень жаль, ты же сам знаешь...

– Подожди, Феликс, подожди, – Кауров, потирая рукой лоб, отошел немного в сторону. Постепенно смысл страшной новости начал доходить до него. – Боже! Люды и Даши больше нет? Но... как же это так? Что произошло, в конце концов?

Не оборачиваясь, он спросил:

– Несчастный случай? Авария?

– Нет! Это не несчастный случай!

– Нет? – Каракурт резко повернулся. – Тогда что?

– Их убили, Стас!

– Что?.. Убили?.. Кто?.. Ты, ты... это серьезно?

– Неужели я стал бы сейчас шутить?

– Господи!!!

Каракурт пытался взять себя в руки, что всегда и при любых обстоятельствах ему удавалось, но сейчас не мог. Окружающий мир для него на какие-то мгновения перестал существовать. Мысли кружились, как снег, разлетались в разные стороны, а в сознании, словно вспышки сигнальных ракет, загорались два имени: Люда и Даша... Его жену и дочь какой-то подонк лишил жизни! Это невозможно!

Кауров пошел по летному полю в сторону выхода, не обходя лужи, не замечая дождя, который лил не переставая.

Сопровождающий Феликса водитель спросил:

– Что это с ним, товарищ полковник?

– Горе у него большое!

– То-то я смотрю, пошел как невменяемый. Вернуть бы его? А, товарищ полковник? Так и до беды недалеко!

– Вернуть? – задумался Феликс. – Нет! Не стоит! Пусть сам справится с горем. Только вот что... Ты ключи от машины мне оставь и иди за ним. Чтобы чего не произошло. Если что, подстрахуешь! Понял?

– Так точно!

Водитель, крепкий и высокий прапорщик, отдал ключи и пошел следом за Каракуртом.

– Да! – остановил его Феликс. – Когда подполковник прибудет домой, не выпускай его из виду.

– Понял, товарищ полковник! В общем, я за ним до утра понаблюдаю. Все равно моя смена только началась.

Наутро в резиденцию прибыл совсем другой Каракурт. Замкнутый, холодный, напряженный. Страшная ночь оставила тяжелые следы: густая шевелюра с редкой проседью стала почти полностью белой, морщины рассекли лицо, как трещины сухую землю.

Прапорщик доложил Феликсу, что подполковник Кауров дошел пешком прямо до своей квартиры. А это часа четыре под дождем! В квартире ночью стояла тишина, так что прапорщик Скоробогатов даже немного встревожился. Но войти в квартиру никакой возможности не было, на звонки Каракурт не отвечал, а ломать металлическую дверь?! Утром, однако, Кауров спокойно вышел из подъезда и направился к метро.

Приехав в управление, Каракурт сразу поднялся в кабинет генерала. Следом вошел Феликс. Кауров начал доклад:

– Товарищ генерал-лейтенант...

– Брось, Стас! Сам-то как? – прервал официальный рапорт Валентин. – Отошел хоть немного? Или, может, тебе пройти курс реабилитации? Лекарства там всякие, процедуры?..

– Лекарства? Для меня теперь есть одно лекарство – головы ублюдков, убивших мою семью.

– Понимаю! И поэтому принял решение на проведение особой, негласной, но полномасштабной операции по поиску и ликвидации преступников. Действовать будем автономно, без сотрудничества с органами МВД. Мы найдем этих уродов, Стас!

– Спасибо, – только и произнес Каракурт сжатыми губами.

Феликс положил руку на плечо друга:

– А теперь, Стас, ответь-ка мне на один вопрос.

– Задавай!

– Некий Лобанов знаком тебе? Константин Владимирович?

– Костя? Конечно! Мы дружили семьями!

– Так вот, убийцы охотились за семьей Лобанова, но твои случайно оказались на его даче в ту трагическую ночь.

– Как понять, случайно? И почему охотились за Лобановыми? И кто, наконец?

Феликс рассказал Каурову, как и почему его жена и дочь оказались на даче Лобанова. Каракурт задумался. Затем, словно сбрасывая с себя некое наваждение, проговорил:

– Не могу поверить! Это бред какой-то! Кому потребовались жизни семьи Лобановых? Моей семьи?

– Твоих убивать никто не хотел, это трагическое совпадение. А вот за Лобановым охотились не случайно. Главный убийца, организатор этого дьявольского преступления, тебе должен быть известен.

Каракурт удивленно посмотрел на Феликса:

– Даже так? И кто он?

– Некий Али Комолов.

– Комолов? Постой, постой, знакомая фамилия...

– Чехословакия...

– Все! Вспомнил! Дезертиры и убийцы, братья Комоловы. Одного из них при захвате завалил Костя! Второго, старшего, взяли живым. Но его же приговорили к смертной казни!

– Верно. Но не расстреляли. Высшая судебная инстанция заменила смертный приговор пятнадцатью годами лишения свободы. Он не так давно вышел на волю и начал мстить за гибель брата.

– Ну и новость ты мне преподнес, Феликс! Трудно поверить. Но если все обстоит так, как ты говоришь, то Комолов долго не будет прятаться. Поняв, что допустил ошибку, он вновь выйдет на «тропу войны», но теперь уже будет более осторожен.

– В операции предполагается задействовать нас с тобой, Лобанова да еще при необходимости ребят из особого резерва генерала.

– Понял.

– С чего начнем, Стас?

– Сначала в морг.

– Может, не надо хотя бы сейчас! Я тебе сразу не решился сказать, там страшная картина... издевались. Давай потом?

– Нет! Я все должен узнать и увидеть сегодня!

Офицеры направились к лечебному корпусу госпиталя.

После посещения морга Каракурт долго молчал. Он только попросил Феликса предоставить ему номер в гостевом комплексе и не беспокоить до утра. На улице к ним подошел Лобанов, но его буквально на полуслове остановил Кауров:

– Не надо, Костя! Ничего не надо. Я знаю, что ты здесь ни при чем... Потом поговорим. Мне нужно время! Все!

Купив водки, Каракурт закрылся в номере. Однако утром он опять был спокоен, выдержан, как прежде. Чувствовалось, что Кауров готов к любым действиям, любому исходу операции. Лишь глаза его были печальны...

В обед состоялись похороны. На них присутствовала и вся семья Лобановых. Ритуал погребения проводился под наблюдением и прикрытием «спецов» Службы. Посторонних лиц вокруг обнаружено не было. Тележурналисты «Криминала» сделали репортаж, рассказав о варварском и необъяснимом убийстве. Семью Лобановых сняли одним кадром, чтобы затем, в вечернем эфире, показать на всю страну живыми и невредимыми. Убийцам предоставлялась возможность убедиться, что они совершили промах. Съемки, естественно, курировались руководством «Виртуса».

На утро следующего дня в кабинете заместителя директора Службы собрались Феликс, Кауров и Лобанов.

Пришел ответ на запрос из колонии, где последние годы отбывал свой срок Али Комолов. Из него следовало, что Комолов вел замкнутый образ жизни. Только иногда общался с авторитетом зоны, но в состав преступной элиты не входил, предпочитая оставаться «одним на льдине». С ним, правда, считались, учитывая его силу и нрав.

На зоне Али заслужил репутацию очень жестокого, опасного и коварного человека. Комолов приблизил к себе некоего Михаила Тукина, которого полностью подчинил своей воле. «Шестеркой», однако, Тукин не стал, а являлся помощником Али. Их сближало и то, что Тукин, по прозвищу Тура, тоже был осужден к смертной казни, но введенный мораторий и пересмотр дела привели его в ту же зону, в тот же отряд. Они и освободились практически одновременно, с разницей в несколько недель. Интересен был и тот факт, что Комолов постоянно получал с воли приличный «грев». Родственники не забывали своего выродка. Деньги водились у него всегда, и, по данным администрации, деньги немалые. По запросу были высланы и последние, сделанные накануне освобождения фотографии Комолова и Тукина.

Костя внимательно посмотрел на снимки.

– Изменился, волчара, – сделал вывод Лобанов, оценивая внешность Комолова, которого когда-то видел почти пацаном, да и неудивительно. Сколько времени прошло! Но черты лица, пожалуй, прежние, только несколько шрамов, залысина и еще взгляд тот же. Хищный, безжалостный, змеиный...

Передал фотографию Каурову. Стас надолго впился взглядом в изображение подонка, убившего его семью. Желваки играли на его скулах.

– Ну что же, Али, – наконец тихо проговорил Каракурт, – теперь, значит, мы друг против друга. «Кровники» мы. И скоро ты узнаешь все муки медленной смерти. Не дам я тебе сдохнуть быстро, на дам! Клянусь памятью!

– Стас! Ты чего там шепчешь? – спросил Феликс.

– Да вот обещаю этому волку пасть разорвать!

– Запомнил? Про Комолова понятно. Я о подельнике его спрашиваю?

– Запомнил!

– Сделаем копии и возьмем с собой. Теперь, товарищи офицеры, надо выработать план действий. Давайте думать. У кого какие соображения?

– Ты, Феликс, среди нас старший, да и опыта у тебя больше, ты и начинай, – предложил Каракурт. – У меня, честно говоря, голова пока плохо соображает.

– Хорошо. Но сначала я хочу вернуться к восьмьдесят третьему году. Почему тогда братья Комоловы, прослужившие более года, пошли на дезертирство?

– Уйти за кордон хотели, – ответил Костя, – тогда, помню, приказ прошел, когда несколько военнослужащих из соседней дивизии прорвались на БТРе через австрийскую границу. И по запросам нашей стороны австрийцы беглецов не выдали, вернули только оружие и бронетранспортер. Солдат объявили то ли узниками совести, то ли жертвами тоталитарного режима. Вот и эти последовали их примеру.

– Но, совершив несколько убийств, на что они могли рассчитывать, даже попав к американцам? Неужели на то, что после всего ими совершенного янки пойдут против европейского общественного мнения?

– Их мотивы понять вообще невозможно, – сказал Лобанов, – зачем убивать часового, если сами они были вооружены? Он не стоял у Комоловых на пути. Наоборот, они потеряли время, пока поднялись на пост, совершили преступление и спустились к дороге на Гутвальд. Затем обстрел чешской машины, из-за чего и подняли на ноги полицию округа, а потом нашу часть. Захват дома? Ну это еще как-то можно понять. Если бы они сразу повели себя последовательно, то есть, не трогая часового и легковой автомобиль, объявили жильцов заложниками, то имели бы неплохие шансы уйти «за бугор». Мы без санкции чешских властей самостоятельно действовать бы не смогли, а чехи, в свою очередь, тоже не стали бы рисковать своими гражданами, а передали русских западным немцам. Но вместо этого Комоловы вновь идут на убийства, перекрывая себе все пути отхода. И ладно бы убили только хозяина дома. Это еще можно было как-то объяснить...

– Объясни! – попросил Феликс. – Как можно объяснить убийство ни в чем не повинного человека?

– Может, я не так выразился, но представь: зашли Комоловы в дом, в столовую на первом этаже. Решили перекусить, выпить, а тут неожиданно появляется этот дед. Ну и выстрелил кто-то случайно. Остановился хотя бы на этом! Но они убили и его жену, вышедшую из спальни второго этажа. А потом вообще устроили кровавую бойню в детской. За что? С какой целью? А затем еще обстреляли патруль чешской полиции! Поступки их безумны, необъяснимы.

– Скорее всего, – вступил в разговор Каракурт, – дело тут вот в чем. «Заводилой» у Комоловых был старший брат, Али. И он с самого начала находился под сильным действием какого-то наркотика. Если принять эту гипотезу, то объясняется многое. Али все время совершает необдуманные поступки. Убивает, может быть, из-за какой-то старой обиды, часового, стреляет по машине, не остановившейся по его требованию, устраивает кровавую бойню в доме. Он неуправляем, а Мухтар как младший брат ничего с ним сделать не может. Дело зашло слишком далеко, и он во всем подчиняется Али. Старший брат, конечно же, не осознает, что уже невменяем. Возможно, идея укрыться в сарае, захватив заложницу, приходит именно Мухтару. Цель – хоть как-то обезопасить себя, не дав братцу убить и ее. А Али продолжает кровавую игру. Только так можно объяснить очевидную бессмысленность преступлений Комоловых.

– Вероятнее всего, так оно и было, – произнес Лобанов. – Потому что, извини, убийство твоих мало чем отличается от бойни в детской комнате чешского дома. Я видел результаты и того, и другого преступления. И уверен, что Али был главарем, а в дальнейшем, на следствии и в суде, свалил все на младшего брата. Поэтому ему и заменили расстрел зоной.

– Может, и так, – согласился Стас, – спорить не буду. Но как бы то ни было, схватка нам предстоит не с человеком, а со зверем.

– Которого еще вычислить надо, – добавил Константин.

– Не убив тебя, Костя, Али этот гребаный отсюда не уйдет, – вступил в разговор Феликс. – Сейчас он узнал, что совершил ошибку, и страшно взбешен. Теперь необходимо начинать все с нуля, и в куда более сложных условиях. Ему нужно время, чтобы все обдумать и спланировать. На этот раз потребуется более точный удар, поскольку Али понимает, что противник предупрежден. А нам нужно время подготовить для него ловушку. И на все про все, что у нас, что у Комолова, времени в обрез, – подвел итог Феликс. – Так что экскурс в историю можно считать законченным. Перейдем к настоящему. Цель бандитов нам ясна. Это семья Лобановых. Как Комолов намерен действовать, в принципе тоже понятно. Али, безусловно, теряет рассудок, когда видит перед собой жертву. Немаловажно и то, что он постоянно принимает наркотики. Тукин – прикрытие Комолова. Нам нужно за что-то сейчас зацепиться, ухватить кончик ниточки, и тогда песня этого отморозка будет спета. Вопрос: как и где отыскать эту нить?

– Я думаю, Феликс, что начать поиски следует прямо с места преступления, – предложил Каракурт, – поэтому нам с Костей надо отправиться на дачу и провести, так сказать, полную рекогносцировку!

– Согласен. Но соблюдайте максимум осторожности. Неизвестно, как поведут себя бандиты, если вдруг ваши дорожки раньше времени невероятным образом пересекутся. Если они первыми опознают Лобанова, возможно, что Комолов тут же решится на нападение.

– Это было бы идеально, Феликс. Но, к сожалению, маловероятно. Ладно. Идем, Костя!

– Стас! Экипироваться по-боевому. Это приказ! Возьмите бронированную «Ниву».

Дорога в поселок заняла чуть больше часа и особых хлопот не доставила. Одно препятствие, правда, встретилось в самом конце маршрута.

Грунтовка здесь спускалась в балку и была на этом участке проезжей, только когда стояла сухая погода. Но если лил дождь, всего за несколько часов дорога становилась непроходимой и без помощи старого деда, жившего в одинокой, покосившейся избе, и его такого же древнего трактора «Т-70» дело не обходилось. Летом дед протаскивал легковушки через низину к поселку и обратно, зимой, подцепив к своей танкетке лопату, расчищал проезд от снега. За свои услуги он брал немного: полбанки водки да какую-нибудь снедь.

Сегодня было сухо. И дед долго скучал на крыльце, тоскливо поглядывая на небо. Но оно сегодня не предвещало дождя. Поэтому дед, вздохнув, ушел в свою избу.

В это время к балке подъехала «Нива», за рулем которой сидел Каракурт. Он спросил Лобанова:

– Интересно, как вы тут ездите, когда дождь пройдет? Внизу же немедленно образуется болото?

Константин рассказал о бизнесе старика. Выведя «Ниву» наверх, Кауров остановился. Включил связь с базой:

– Феликс?

– Я! Вы где?

– Мы почти у дачи. У меня просьба. Запроси наших метеорологов, какая стояла погода на прошедшей неделе, включая и день преступления. Меня интересует, был ли тогда дождь?

– Понял. Узнаю и сообщу.

– Нас может не быть в машине, я сам на обратном пути тебя вызову.

– Хорошо.

Лобанов посмотрел на Каракурта:

– Думаешь, преступников мог видеть дед?

– Вполне, если они сюда прибыли на машине, а не пришли пешком.

– Вряд ли он просто так что-нибудь скажет. У тебя есть бутылка водки?

– У меня кое-что покруче водки найдется, – Кауров постучал себя по груди, где во внутренней кобуре лежал табельный пистолет. – Каков аргумент? Весомый?

Каракурт резко повернул руль и поставил «Ниву» так, что дом Лобанова за высоким забором закрыл ее от остального поселка. А штабель досок, несколько берез и кустов малины заслоняли автомобиль со стороны въезда.

– Что за дрова? – спросил Стас.

– Мои. Хотел полы перестелить.

Каракурт кивнул и вышел из машины. За ним последовал Лобанов. Стас прошелся вокруг, осмотрелся и сказал:

– Вот здесь убийцы поставили машину. Видишь?

Костя не спорил:

– Я сам свою всегда здесь ставил, пока не продал.

– А чего продал? – продолжая внимательно разглядывать территорию дачи, спросил Стас.

– Новую хотел к Рождеству купить, когда цены немного будут пониже. Вот такую же «Ниву». Не бронированную, естественно...

– Логично.

– Что логично?

– Логично, что решил покупать зимой. Но лучше до Нового года, а не в Рождество. Поверь, я знаю. Ладно, продолжим основную тему. Бандиты прибыли на место предполагаемого преступления. Ночь. Никто их не видит. В доме, по их расчетам, находятся три жертвы.

– Почему три? А я?

– Верно. Четыре жертвы! Как все сделать так, чтобы не поднять шума? Выход один – захватить вас врасплох! Опять-таки как? Двери крепкие?

– Обычные, но если на засов закрыть, то, пожалуй, сразу и не выбить.

– Со двора?

– Со двора щеколда и вертушка. Но, Стас, из протокола осмотра места преступления следует, что двери не были взломаны. Хозяева сами впустили своих убийц.

– Людмила никогда бы не открыла дверь незнакомому мужчине! – Каракурт задумался и сделал вывод: – Возможно, среди преступников была еще и женщина!

Лобанов согласился:

– Да. Скорее всего была и женщина, которая представилась, к примеру, соседкой. Такое вполне могло быть.

– Значит, женщина! Это оправданно! Вдруг не ты бы подошел на стук?

– Ну а если бы я?

– Ты бы открыл, не узнав, кто стучит?

– Открыл бы, наверное...

– Ну и получил бы струю газа! Здесь они подстраховались. Женщина, конечно, была не местная, прибыла вместе с Комоловым и Турой. Продолжим дальше. Она стучит в дверь и независимо от того, кто подойдет к двери, спрашивает примерно следующее: «Соседи? У вас ничего не горит? А то дымом будто от вас тянет, проверили бы, не дай бог полыхнете...» Все! Никому и в голову не придет, что хозяев заставляют таким образом открыть дверь. Главная мысль: что-то горит! А для моей Людмилы еще и дача чужая! Дверь открывается... Струя нервно-паралитического газа, липкая лента на рот, наручники сзади за спину. Бандиты тихо входят в дом. Если здесь был бы ты сам, то Галина, понятно, ждала бы тебя и, возможно, вышла бы тоже. В целом главное для Комолова было сделать так, чтобы жертвы «спеленали» поочередно. С детьми проще. Они спросонья ничего бы не поняли. Ну а если и метнулся кто-нибудь в окно, то во дворе его бы поджидал один из бандитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.